

Учреждение образования
«Белорусский государственный университет культуры и искусств»
Факультет культурологии и социально-культурной деятельности

Кафедра культурологии

СОГЛАСОВАНО

СОГЛАСОВАНО

Заведующий кафедрой

Декан факультета

_____ А.И. Смолик

_____ Н.Е.Шелупенко

«___» _____ 2022 г.

«___» _____ 2022 г.

**УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
ПО УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ
ОСНОВЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Специальность: 6-05-0314-02 “Культурология”

Профилизация: “Синология”

Квалификация: Культуролог.Преподаватель

Составитель:

Е.А. Криштаносова, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии учреждения образования “Белорусский государственный университет культуры и искусств”

Рассмотрено и утверждено на заседании Совета факультета культурологии и социально-культурной деятельности «26» декабря 2022 г., протокол № 5

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА	3
1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ	5
2. ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ	85
3. РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ	91
4. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ	99

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Дисциплина «Основы межкультурной коммуникации» направлена на овладение студентами компетенциями, связанными с теоретико-практическими основами межкультурных интеракции, что, в свою очередь, позволит более полно осознать состояние и тенденции развития социокультурного пространства, изучить культуры иных стран и народов, выявить возможные формы и направления межкультурной коммуникации. Вкупе все эти знания, умения и навыки помогут выявить наиболее эффективные формы и стратегии сотрудничества и построения межкультурных коммуникации.

Цель – формирование у студентов фундаментальных знаний по основам межкультурной коммуникации.

Задачи:

- ознакомить студентов с основными понятиями межкультурной коммуникации;
- раскрыть эволюцию и специфику основ межкультурных коммуникации;
- ознакомить студентов с особенностями построения процесса коммуникации;
- проследить особенности процесса коммуникации в контексте этнических и национальных культур;
- развить у студентов способность установления эффективных межкультурных интеракций с зарубежными партнерами в сфере международных культурных связей;
- сформировать систему взглядов по методологическому обеспечению основ межкультурной коммуникации в соответствии с основными подходами современной культурологической науки.

В процессе изучения дисциплины, согласно требованиям образовательного стандарта, студенты должны:

УК1. - владеть основами исследовательской деятельности, осуществлять поиск, анализ и синтез информации.

УК-4. Работать в команде, толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессиональные, культурные и иные различия.

СК – 7. Применять знания основ межкультурной коммуникации, а также методов и практик в построении межгрупповых интеракций.

СК -8. Применять инновационные технологии в контексте интеракций этнических групп.

СК-10. Создавать эффективную межгрупповую и внутригрупповую коммуникации, обеспечивать межкультурную коммуникацию, устанавливать связи с представителями иных этнических групп, расширять социокультурное взаимодействие с общественностью, в том числе с государственными учреждениями, общественными организациями, коммерческими структурами, средствами массовой информации.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ЛЕКЦИЯ 1. ВВЕДЕНИЕ

Цель, задачи и содержание курса. Определение межкультурной коммуникации. Объект и предмет исследования теории межкультурной коммуникации. Основные понятия и категории основ межкультурной коммуникации.

Структура общения хорошо изучена в теории информации и коммуникации, в психологии, лингвистике и социальной философии. Как правило, выделяются несколько ее компонентов: участники общения, код, канал и контекст. Типология участников позволяет различить реальных партнеров (личности, группы и их представители), а также субъективированных объектов (животные, вещи) и квазисубъектов (Боги, литературные персонажи, «другое Я»). Социальные (профессия, класс, нация) и половозрастные характеристики участников общения также играют в нем существенную роль. На основании данной типологии можно выделить такие виды общения, как межличностное, групповое и представительное общение. Мы обращаем внимание на неоднозначность термина «межличностное» общение. В традиционных культурах еще не сформировано личности, известной нам как специфическая категория креативной культуры, но в них уже имеется человеческая индивидуальность, способная вступать в общение с другой индивидуальностью. Это общение организуется поэтому не столько личностными характеристиками его участников, сколько их социальными функциями, и мы называем его функциональным, оно скорее интериндивидуально, чем интерперсонально. Функциональное общение есть своего рода представительное общение, но представительность не открывается в нем эксплицитно, она есть внутренний факт деятельности каждого участника, она есть интериоризация традиций контактов.

Структура общения предполагает его контекст; это фактически все виды деятельности, осуществляемые человеком, поскольку они требуют для своей успешности участия нескольких общающихся субъектов. Общение имеет канал, это те конкретные средства общения, которые используются в его процессе; свой более или менее жесткий код, то есть правила его организации. Контексты могут быть служебными (общение здесь лишь способствует эффективности другой деятельности) и самоцельными (в них общение само является целью совершаемой деятельности). Каналы могут быть практическими (например, в некоторых вариантах семейных отношений, производственного, научного или педагогического общения), символическими (например, в ритуальном общении, в некоторых видах политических церемоний) и практическо-символическими (например, в игровом, в художественном общении). Различие каналов основано на преобладании в их составе социально обусловленных, стандартизированных или безусловных элементов. Практические каналы содержат максимум безусловных элементов и минимум условных. Символические каналы – наоборот. Практическо-символические каналы представляют собой синтез безусловных и условных элементов. Такова теоретическая декомпозиция структуры общения. Ее проекция в историю культуры сообщает ей ряд дополнительных особенностей.

ЛЕКЦИЯ 2. ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ В СИСТЕМЕ НАУК

Коммуникация выделилась в самостоятельный объект исследования в связи с развитием технических средств передачи информации. Развитию теории коммуникации способствовало становление информатики, семиотики, которые термином коммуникация обозначают технические каналы и средства связи. Связь рассматривается как многокомпонентная, составленная из элементов система.

Коммуникативное знание носит междисциплинарный характер. Коммуникация является объектом социогуманитарных, естественно-научных и научно-технических дисциплин, каждая из которых вычленяет из коммуникации свой объект и предмет исследования. социогуманитарные науки (психология, лингвистика, культурология, социология и др.) рассматривают свои аспекты коммуникации с присущими им особенностями.

Общая теория коммуникации изучает коммуникацию и коммуникативные процессы не в ряду прочих объектов, как например, лингвистика или психология, а как основной объект.

Предметом теории коммуникации является всеобщее в природных, социальных, технических системах обмена информацией. Данная теория рассматривает универсальную модель коммуникативного процесса, определяет его составляющие, выявляет общие закономерности коммуникативных процессов в различных областях действительности. Изучает особенности общения, взаимодействия, воздействия и влияния оценочного фактора, характерного для данной сферы знания.

Базовыми понятиями являются: общение, коммуникация, речевая деятельность, информация, информационный обмен, коммуникативное пространство.

Предельно общим является термин коммуникация, который появился в научной литературе в начале XX века.

Главная функция коммуникации – предавать информацию. Анализ результатов Второй мировой войны вызвал интенсивное развитие новых научных направлений, в которых определяющую роль стала играть информация, способы ее передачи и хранения. Коммуникация как вид информационного обмена, имеющего свои закономерности, сформировалась в самостоятельный объект исследования.

Проблема соотношения понятий коммуникация и общение показывает, что имеется несколько подходов к ее разрешению.

1. Отождествление этих понятий, поскольку этимологически и семантически термины коммуникация и общение равноправны, обозначая исходное понятие информационный обмен в обществе.

2. Разделение понятий коммуникация и общение. При этом инвариантом большинства определений коммуникации выступает понятие информационного обмена. Общение представляет процесс, имеющий ярко выраженный информационный характер. Если рассматривать информацию как атрибутивное свойство материи, меру ее организации, то тогда всякое взаимодействие в материальном мире можно описывать в терминах коммуникации. В таком случае понятие коммуникации является более широким, чем понятие общение. При этом важно учитывать, что информационный обмен возможен лишь в случае, если взаимодействующие системы характеризуются соразмерностью своего развития и различаются своим информационным потенциалом.

Понятия коммуникация и общение часто рассматриваются как близкие по смыслу. Общим является их соотнесенность с процессами передачи информации, обмена и связь с языком как средством передачи информации. Передача информации в пространстве и времени осуществляется чаще всего в неязыковых формах (невербальные сигналы и материальные носители культуры), а вербальные сообщения составляют небольшую часть информационного обмена в обществе. Таким образом, самым общим

понятием становится коммуникация, а более узким, обозначающим информационный обмен в обществе на вербальном уровне – общение, что разные науки акцентируют в объеме содержания этих понятий различные аспекты.

За общением закреплена характеристика межличностного взаимодействия людей в различных сферах деятельности при помощи языка.

В коммуникации главным является информационный обмен в обществе по разным каналам при помощи различных коммуникативных средств как в межличностном, так и в массовом общении.

ЛЕКЦИЯ 3. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПОДХОДЫ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Исследования коммуникации представлены разными направлениями.

1. Бихевиоризм – одно из ведущих направлений конца XIX - начала XX в. в основе лежит понимание поведения человека как совокупности двигательных, вербальных и эмоциональных реакций на стимулы внешней среды (Э.Л. Торндайк, Дж.Б. Уотсон, И.П. Павлов, В.М. Бехтерев). Считали, что основой коммуникации является не язык, а сами речевые сигналы, манипулирование которыми позволяет влиять на человека.
2. Символический интеракционизм главное внимание уделяет символическому содержанию социальных взаимодействий. Основоположником считается Дж.Г.Мид. отрицая точку зрения бихевиористов на поведение людей как пассивную реакцию на стимул, это направление рассматривает реакции как осмысленные символические действия. Язык рассматривается как основное символическое средство взаимодействия.
3. Этнометодология (Г.Гарфинкелем, И.Гоффмана) – понимает язык коммуникации широко, включая в него как вербальный язык, так и язык жестов, выразительных движений, ритуал и молчание.
4. Теория межкультурного содержания коммуникации разработана Э.Холлом. Этот подход предполагает, что на эффективность коммуникативных действий влияет принадлежность коммуникантов к определенной культурной среде. Значимым является понятие «социальной дистанции», которое характеризует степень близости или отчуждения социальных групп и лиц.

После Второй мировой войны оформились два основных подхода к изучению коммуникации рационалистический и иррационалистический.

Рационалистический подход основан на теории информационного общества (Д.Белл). Информация рассматривается в качестве единственного стимула и источника социального развития, а СМИ, соответственно как мощный стимул для потребления информации, ее оценки. При этом изменения в обществе заложены не в содержании информации, а в средствах и способах ее передачи и дальнейшего применения.

Иррационалистический подход представлен феноменологическим направлением, основоположником которого является американский философ и социолог А.Шюц, создавший теорию «понимающей социологии». Этот подход обращен к проблемам языковой социализации и коммуникации, обусловленной неязыковыми факторами.

Коммуникация трактуется в рамках этого направления как результат взаимного понимания людей.

ЛЕКЦИЯ 4. СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИИ

Модели коммуникационных процессов создаются для описания, преобразования и структурирования информации, они строятся адекватно изучаемым коммуникационным процессам. Для лучшего понимания коммуникативного процесса ученые пользуются методом моделирования – воспроизведением характеристик одного объекта с помощью другого.

Модель коммуникации воспроизводит составные элементы и функциональные характеристики коммуникационного процесса в виде схемы. Содержание модели зависит от концепции специалиста, который эту модель разработал, а также от потребностей той сферы науки, в которой она появилась.

Модели коммуникации можно разделить на линейные, или механические, и нелинейные.

Линейная модель Г.Д. Лассуэлла использовалась для анализа массовой коммуникации. Согласно формуле, акт коммуникации рассматривается по мере ответа на вопрос: КТО – ЧТО сообщает – по какому КАНАЛУ – КОМУ – с каким ЭФФЕКТОМ. Достоинством данной модели является то, что она представляет развернутый план коммуникативного действия.

Линейная модель (шумовая) Шеннона-Уивера. Данная модель является коммуникативной цепочкой, в которой представлены: источник сообщения; кодировщик, подготавливающий сообщение для передачи в удобной форме; тот или иной канал связи, переносящий сигналы в закодированном виде; декодер, «распаковывающий» сообщение; получатель, извлекающий из сообщения информацию. На успешность связи влияют помехи (шум), они снижают разборчивость речи или качество изображения. Как шум могут также рассматриваться неинформативные составляющие сообщения, мешающие восприятию, перегружающие канал связи.

Идеи Шеннона проявились в интерпретированной Р.О.Якобсоном функциональной модели речевой коммуникации (или речевого события), где

представлен адресант, направляющий адресату сообщение, которое передается с помощью кода.

В модели Р. Якобсона сообщение рассматривается как содержательная, многофункциональная компонента. В ней выделяется контекст как функция, обеспечивающая целостность содержания, задающая систему координат и позволяющая ориентироваться в нем. Контакт отражает регулятивный аспект коммуникации. Все элементы модели находятся в различных видах связей и отношений с функциями языка:

- экспрессивная – отношение говорящего к сообщению;
- код рассматривается как метаязыковая функция, когда содержание значения слова можно раскрыть через его описание;
- когнитивная функция связана с контекстом;
- конативная функция оказывает непосредственное воздействие на того, кто принимает сообщение;
- фактическая функция связана с поддержанием контакта;
- поэтическая функция ориентирована прежде всего на форму, чем на содержание.

В 1954 г. В. Шрамм и Ч. Осгуд предложили циркулярную (замкнутую), сбалансированную модель коммуникации, в которой отправитель и получатель информации выступают равноправными партнерами. Большое значение придается обратной связи между ними, уравнивающей прямую связь: кодирование – сообщение – декодирование – интерпретация – кодирование – сообщение – декодирование – интерпретация.

Достоинством этой модели является то, что она может саморегулироваться за счет обратной связи.

Рассмотренные выше модели являются линейными, они способствуют пониманию последовательности процесса коммуникации. Однако в реальности коммуникативный процесс может представлять собой сложное,

многоуровневое явление, происходящее в определенной социальной ситуации.

Интеракционистская (социально-психологическая) модель (Т.Ньюкомб). Предложил учитывать как отношения, которые складываются между общающимися, так и те, которые обращены к объекту разговора. Ученый исходил из того, что общей тенденцией в коммуникации является стремление к симметрии. Если два контактирующих сориентированы друг к другу положительно, то они будут стремиться к совпадению своих взглядов на рассматриваемую ситуацию. При негативном отношении к друг другу не будет совпадать и отношение к рассматриваемой ситуации.

Данная модель является нелинейной, она задает динамику изменений, которым будет стремиться коммуникация, чтобы создавались симметричные отношения, одинаковая оценка ситуации при сходной оценке друг друга.

ЛЕКЦИЯ 5. ПРОЦЕСС КОММУНИКАЦИИ. СОСТАВЛЯЮЩИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОЦЕССА

1. Процесс коммуникации предполагает передачу информации с целью взаимодействия между различными субъектами коммуникации по разным каналам связи и при помощи различных коммуникативных средств. Этот процесс реализуется в различных формах в зависимости от числа участников, используемых стратегий, коммуникативных целей и т.д.

В общем виде процесс коммуникации предполагает, что отправитель передает определенное сообщение, чтобы оказать определенное воздействие на получателя.

Способ передачи сообщения определяется целью коммуникации, избранным каналом коммуникации, наличием общей для сторон знаковой системы (языка общения). Передаваемая информация должна восприниматься адекватно получателем. Для этого кодирование и декодирование замыкаются в единую цепь. Коммуникация предполагает также обратную связь, благодаря которой отправитель убеждается, что сообщение дошло до адресата и адекватно им понято.

2. Отправитель сообщения (адресант) – инициатор коммуникативного процесса, который может быть представлен отдельным индивидом, группой людей, общественным институтом. Результат интерпретации посылаемого сообщения зависит от ряда факторов, среди которых наиболее значимыми являются социальный статус, надежность и квалификация адресата, влияющие на степень доверия аудитории к информации.

По-особому функционирует получатель (адресат), которому адресовано сообщение. На момент времени, когда сигнал только должен поступить из канала связи, получатель не знает точно, какая составная часть алфавита кодирования поступит от источника. Таким образом, получатель находится в состоянии неопределенности в отношении вероятности предстоящего события.

3. Сообщение – это соответствующим образом закодированная информация, которая может быть представлена изображением, а в речевом обращении – высказыванием, представленным в формате текста.

4. Понятие «канал» появилось благодаря исследованиям, проводимых в рамках математической теории связи (коммуникации), когда стало очевидным, что информация может храниться на различных носителях и передаваться по каналам связи, отличающимся по своей природе.

Следует обратить внимание на такой факт: информация, существующая в виде устных сообщений, структур языка может быть преобразована в структуры неживой природы (документы, компьютерные файлы и т.д.) несут сообщение сигналы, имеющие различную физическую природу, информация как бы «упаковывается» в них. Сигналы являются носителями информации.

Способы кодирования разнообразны: радиосигналы, сигнальные костры, световые вспышки фонарей, ритмы сигнальных барабанов и т.д. при кодировании используется определенный набор сигналов.

5. Кодирование и декодирование являются неотъемлемыми процессами актами коммуникации. В тех случаях, когда адресанте желает раскрыть правило декодирования для всех, кому в руки попадает закодированное сообщение, говорят о шифровании.

6. Обратная связь является важным элементом процесса коммуникации. В теории коммуникации обратная связь предполагает ответную реакцию получателя на сообщение отправителя. Такая связь важна как условие результативности коммуникации; она очевидна в межличностной коммуникации, но в массовой коммуникации проявляется не столь явно.

7. При передаче сообщения на его пути могут возникать барьеры и помехи. В качестве оснований классификации коммуникативных барьеров выделяют:

- среду (внешние условия), создающую неблагоприятные условия передачи и восприятия информации;
- технические средства коммуникации, создающие помехи (шумы); технические барьеры часто связанные с человеческим фактором;
- «человеческие барьеры коммуникации» (психофизиологические и социокультурные).

Причинами появления последних могут быть: особенности интеллекта общающихся, неодинаковое знание предмета разговора, различный лексикон и тезаурус, а также отсутствие единого понимания ситуации. Психологическая особенность деловых партнеров также могут вести к барьерам. Причиной непонимания одного человека другим могут служить также социальные, политические, профессиональные, религиозные, образовательные и другие отличия.

ЛЕКЦИЯ 6. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕНИЯ

Экспериментальные науки были заняты поиском универсальных закономерностей социального поведения, общения и взаимодействия индивидов и групп.

Во всех считавшихся универсальными концепциях бросается в глаза отсутствие культурных переменных и даже подчеркивается инвариантность социально-психологических механизмов и процессов для всех индивидов и всех социальных групп. Например, теория фрустрации-агрессии индифферентна к конкретному содержанию фрустрации и фрустрируемой цели.

Только в последние десятилетия XX в. Стали задумываться о месте культуры в психологии взаимодействия, о проблемах их взаимосвязи и о необходимости налаживания в этой области контактов с другими науками о человеке и обществе. Необходимо учитывать, что с 60-70 гг. в мировом масштабе наметились процессы, характеризующиеся повышенным интересом народов во всем мире к своей традиционной культуре. Естественно, что современные общества, находящиеся в процессе этнического возрождения, представляют собой более сложные социокультурные системы во взаимодействиях и межкультурных коммуникациях. Например, попытка повторить в Израиле исследования, проведенные в США, по уровню и степени вхождения и осуществления межгрупповых контактов И.Амира и И.Шарона. Из 36 исследований выбрали 6, затрагивающих общечеловеческие, а не уникальные американские проблемы. Однако даже в этом случае из 64 возможных результатов в Израиле подтвердилось только 30, т.е. меньше половины, а остальные оказались подвержены влиянию культурного контекста.

Сегодня все больше исследователей приходит к осознанию того, что воспроизводство отношений во многих случаях затруднительно, поскольку не учитываются особенности культур и их представителей.

Например, исследования Японии и Кореи подчеркивают, что необходимо учитывать наиболее важные аспекты конфуцианской культуры – стремление к групповой сплоченности, сохранению социальной гармонии и коллективного благоденствия. Эти особенности проявляются даже в работе коллективов, где руководитель, исполняющий, согласно конфуцианской модели, роль отца, должен обеспечивать единогласное принятие групповых решений и функционально и символически представлять группу во вне.

И в научной, и в художественной литературе можно встретить множество примеров того, сколь существенны межкультурные вариации систем коммуникации, т.е. обмена информацией между людьми, и как эти различия мешают им понимать друг друга. В этом проявляется специфика именно человеческой коммуникации, поскольку «коммуникативное влияние как результат обмена информацией возможно лишь тогда, когда человек, направляющий информацию (коммуникатор), и человек, принимающий ее (реципиент), обладают единой или сходной системой кодификации или декодификации. На обыденном языке это правило выражается в словах «все должны говорить на одном языке».

Более того, в процессе коммуникации представителей разных культур непонимание может возникнуть даже в том случае, когда они говорят на одном языке, т.к. «понимание текста предполагает не только знание языка, но также знание мира». Неосведомленность в реалиях культуры может привести к полному непониманию текста при знании отдельных слов. В реальной жизни вербальная коммуникация тесно взаимосвязана с невербальной. Прекрасный пример неразрывной связи вербальной и невербальной коммуникации представляют результаты эмпирического исследования, проведенного в США. При общении на своем родном языке венесуэльцы

оказывались на более близком расстоянии, чем японцы. Если же разговор испытуемых происходил на английском языке, то межкультурные различия практически полностью исчезли, а дистанция приближалась к принятой в американской культуре (средней между венесуэльской и японской).

Произнесенные слова и сопровождающее их невербальное поведение могут и противоречить друг другу. Выражая идею словами, индивид способен в тоже время невербальными средствами выразить прямо противоположное. Так, улыбка может сопровождать отнюдь не дружелюбное высказывание, а человек, что он абсолютно спокоен, но при этом ломающий руки и закусывающий губы, противоречит самому себе.

Между культурами существуют значительные различия в том, как используются средства коммуникации в межличностном общении. Представители **низкоконтекстных** культур больше внимания обращают на содержание сообщения, на то, что сказано, а не на то – как их коммуникация в слабой степени зависит от ситуации. В **высококонтекстных** культурах при передачи информации люди склонны в большей степени обращать внимание на контекст сообщения, на то, с кем и в какой ситуации происходит общение. Эта особенность проявляется в придании особой значимости форме сообщения, тому – как, а не тому – что сказано.

Яркие примеры различий между двумя типами культуры можно обнаружить в сравнительных исследованиях, даже в тех случаях, когда их авторы не ставили перед собой задачу их выявить. Например, Канагава с соавторами, исследуя структуру личности, просили американских и японских студенток заполнить текст «Кто Я?» в четырех различных ситуациях (индивидуально, одновременно с подругой, в аудитории с другими студентами, в кабинете профессора). Самоописания американок практически не зависели от контекста тестирования. У японок в ситуациях, которые предполагают взаимоотношения с присутствующими (подругой или профессором), самоописания значительно изменилось: чаще озвучивались

оценки других людей («Меня считают хорошей спортсменкой»), но реже себе приписывали физические («Я – привлекательна») и психологические («Я – добрая») черты, которые могли подвергнуться немедленной оценке присутствующих.

Для низкоконтекстных культур характерен когнитивный стиль обмена информацией, при котором значительные требования предъявляются к беглой речи, точности использования понятий и логичности высказываний коммуникатора. Чтобы выделиться внутри группы и «блистать в обществе», представители подобных культур стремятся развивать речевые навыки. Содержание коммуникации высоко ценится в американской культуре. Типичный американец в повседневном общении использует «small talk» («короткий разговор»): «сказал то, что нужно именно сейчас и для этого дела – и кончил разговор». В дискуссиях американцы предпочитают высказываться ясно и четко и стремятся в первую очередь выдвинуть основной аргумент, чтобы вызвать у оппонентов желание услышать остальную информацию.

Высокая зависимость коммуникации от контекста, присущая многим восточным культурам, проявляется в расплывчатости и неконкретности речи, избытии некатегоричных форм высказывания, слов типа «может быть», «вероятно» и т.п. Так, японцам соблюдать вежливость и сохранять гармонию межличностных отношений помогает сам строй родного языка, в котором глагол стоит в конце фразы: говорящий, увидевший реакцию на свои первые слова, имеет возможность смягчить фразу или даже полностью изменить ее первоначальный смысл. Японец старается говорить так, чтобы избежать слова «нет», вместо этого он использует мягкие обороты-отрицания:

«Я прекрасно понимаю ваше идущее от сердца предложение, но, к несчастью, я занимаю иное положение, чем вы, и это не позволяет мне

рассмотреть проблему в нужном свете, однако я обязательно подумаю над предложением и рассмотрю его со всей тщательностью, на какую способен.

В деловых взаимоотношения японцы обычно ведут разговор «вокруг да около», долгое рассуждая обо всем, только не об основном предмете дискуссии. Эта стратегия позволяет им лучше узнать о намерениях партнеров, чтобы либо подладиться к ним, либо противостоять, не уронив при этом достоинства противоположной стороны.

Анализируя особенности русского языка, мы обнаружим признаки того, что и русская культура является высококонтекстной. Лингвисты отмечают, что «в русском языке гораздо богаче, чем во многих других. Поле неопределенности. На месте одного разряда неопределенных местоимений имеется три – местоимения на –то, -нибудь, -кое (если не четыре, учитывая некий, некто)». А расплывчатые формы высказывания – «бесконечные почему-то, что-то, должно быть и пр., как правило, опускаются при переводе, скажем, Чехова на европейские языки».

Для высококонтекстных культур характерна и большая, чем для низкоконтекстных культур, что отражается на стиле межличностных отношений. Внимание к контексту сообщений проявляется в богатстве языковых средств для выражения эмоций, в стремлении передавать все оттенки возникающих между людьми чувств и все колебания в отношениях между ними. Так, в японском языке имеется намного больше терминов для межличностных эмоций, например, симпатии, чем в английском. Японцы имеют множество слов для разных типов улыбок и смеха, различая их как по звукам, так и по функциям (улыбка, за которой кроется печаль, надменная неопределенная улыбка, «социальная улыбка», которая изображается для соблюдения благопристойности, профессиональная улыбка, довольная улыбка пожилого человека и т.п.).

Впрочем, высококонтекстные культуры могут существенным образом различаться по проявленности эмоций при общении. Если для японской

культуры нормой является сдержанность при обмене информацией, то русская культура относит вербальное выражение эмоций к одной из основных функций человеческой речи. При этом русский язык, как и японский, имеет исключительно богатый репертуар лексических и грамматических выражений для разграничений эмоций и придания особой окраски межличностным отношениям.

Современная японская культура, служащая образцом высокой зависимости от контекста, сохранила больше стереотипных элементов поведения, чем русская. Вербальная коммуникация и в наши дни все больше зависит не от сиюминутной ситуации, а от относительного статуса говорящих, например, от подчиненного положения одного и превосходства другого.

Чем больше в культуре прослеживается зависимость коммуникации от ситуации, тем больше внимание в ней уделяется невербальному поведению – мимике, жестам, прикосновениям, контакту глаз, пространственно-временной организации общения и т.п. В этом отражается второе значение понятия высококонтекстная культура – культура, в которой невербальное поведение оказывается более значимым, чем вербальное.

Например, в Японии, с одной стороны, молчание не рассматривается как вакуум общения и даже оценивается как проявление силы и мужественности, с другой – «органом речи» для японца является взгляд, а глаза говорят в той же мере, что и язык. Встретив взгляд другого человека, японец, умеющий вести диалог на языке взглядов, понимает его движения души и может на ходу перестроить свое вербальное поведение.

Видимо, и в этом русская культура имеет сходство с японской. Так, Э.Эриксон приписывал русским особую выразительность глаз, их использование «как эмоционального рецептора, как алчного захватчика и как органа взаимной душевной капитуляции».

Но на этом сходство кончается. В Японии не принято смотреть прямо в глаза друг другу: женщины не смотрят в глаза мужчинам, а мужчины – женщинам, японский оратор смотрит обычно куда-то в бок, а подчиненный, выслушивая выговор начальника, опускает глаза и улыбается. Японцы, как «люди зрения», понимают, что человеку подчас трудно выдержать «нагрузку чужого взгляда», и проявляет особую деликатность, например, закрывают глаза в общественном транспорте. Иными словами, Япония – одна из наименее «глазеющих» культур. Но сравнивая, например Америку и США, американцы смотрят в глаза лишь в том случае, когда хотят убедиться, что партнер по общению их правильно понял, а для англичан контакт глаз более привычен: им приходится смотреть на собеседника, который моргает, чтобы показать, что слушает. Впрочем преподаватели лингвострановедения предупреждают российских учащихся, что в Англии считается неприличным столь пристально смотреть в глаза, как это принято – и даже поощряется – в России.

Отражение русского обычая смотреть прямо в глаза Э.Эрикссон обнаружил и в литературных произведениях. Действительно, герои классической русской литературы в доверительной беседе, раскрываясь перед собеседником, не отрывают друг от друга взгляда. Тем самым писатели не просто отмечают обычай смотреть в глаза, а подчеркивают неразрывную связь теплоты и откровенности в отношениях с контактом глаз.

В целом контакт глаз – лишь один из элементов кинессики – невербального поведения, основанного на оптико-кинетической системы знаков. В эту систему входит все богатство экспрессивного поведения человека определенной культуры, обоснованного специфическими, самобытными традициями.

ЛЕКЦИЯ 7. ЭКСПРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРА

Согласно точке зрения Ч.Дарвина, изложенной в его знаменитой книге «Выражение эмоций у человека и животного», мимика или движение лица, выражающее эмоции, является врожденной, не зависимой от расы или культуры и не различается у человеческих существ во всем мире. Однако в XX веке многие ведущие культурологи и культурантропологи обнаружили многочисленные свидетельства того, что у представителей разных культур существуют значительные отличия в экспрессивном поведении, в том числе и мимике. Р.Бердуистел, создатель кинесики – науки, изучающей экспрессивное поведение, в частности писал: «Нет ни одного выражения лица, позы или положения тела, которые бы имели одно и тоже значение во всех культурах». По его мнению, выявленные различия означают, что мимика – это язык, которым, как и любым другим, человек овладевает в процессе социализации. Так, только благодаря тому, что японцев с детства учат не расстраивать своими переживаниями окружающих, «улыбаться во исполнении социальной обязанности», они испытывая глубокое горе от потери близких, сообщают об этом с улыбкой: «Улыбающийся как бы говорит: да, утрата моя велика, но есть более важные заботы, и я не хочу огорчать кого-либо, выставляя на показ свое горе».

Но в 60-е гг. П.Экхманом и У.Фризенем была проведена целая серия экспериментов, выявивших инвариантность мимики в различных культурах и получившее название «исследований универсальности экспрессивного поведения». Так, в одном из экспериментов испытуемые из пяти стран (Аргентина, Бразилия, США, Чили и Япония) должны были определить, какой из шести эмоций – гневом, грустью, отвращением, страхом радостью или удивлением – охвачены люди на показанных им фотографиях. Так как был выявлен высокий уровень согласия представители всех культур в опознании шести базовых эмоций, ученые сделали вывод об отсутствии культурной специфики мимики. Правда, исследование проводилось в

индустриальных и в значительной степени американизированных культурах. Поэтому оставалась высокая вероятность того, что смысл экспрессивных выражений на лицах людей, сфотографированных в США, опознавался в других странах благодаря знакомству с американскими кинофильмами, телевизионными программами и журналами.

Но когда аналогичное исследование было проведено на Новой Гвинее, испытуемые – члены двух не имеющих письменности племен, продемонстрировали результаты, сопоставимые с ранее полученными данными, лишь иногда смешивая страх и удивление. Более того, для увеличения надежности данных исследователи сделали еще один шаг, предъявив студентам из США, которые никогда прежде не видели членов племен из Новой Гвинеи, их фотографии, запечатлевшие на лицах все те же эмоции. И новые результаты оказались аналогичными

Но если в вопросе об универсальности человеческой мимики правы Дарвин и современные психологи, то как же быть с многочисленными данными культурантропологов о существенных различиях в проявлении эмоций у представителей разных культур?

Во-первых, не вызывает сомнений, что существуют элементы мимики, использование которых несет на себе явный отпечаток культуры. Так, в Америке мигание двумя глазами обычно означает согласие или одобрение, и американский ребенок познает его значение, наблюдая за родителями и другими людьми. А азиатский ребенок мигать не учится – во многих восточных культурах подмигивание считается дурной привычкой и может обидеть человека.

Во-вторых, не только психолог, но и любой наблюдательный человек, взаимодействующий с представителями различных народов, видит межкультурные вариации в частоте и интенсивности отражения тех или иных эмоций на их лицах.

Иными словами, в каждой культуре выработаны передающиеся из поколения в поколение правила, регулирующие экспрессивные выражения лица и предписывающие, какие – универсальные по своей сути – эмоции позволительно в определенных ситуациях показывать, а какие – прятать. Экман и Фризен назвали их *культурно обусловленными правилами «показа» эмоций*.

Так, очень строгие правила «показа», а точнее, «сокрытия», маскировки эмоций существуют в японской культуре. Практически все наблюдатели отмечают, что у жителей страны восходящего солнца, «как правило, спокойное, безмятежное выражение лица, независимо от внутренних ... эмоций», которые они стремятся скрывать, пряча под маской.

Эта особенность японской культуры отразилась и на результатах сравнительно-культурного исследования, проведенного Экманом и Фризенем. Как уже отмечалось, при просмотре вызывающего стресс фильма в одиночестве на лицах американцев и японцев выражались одинаковые эмоции. Но смотря фильм в присутствии экспериментатора, американские испытуемые демонстрировали те же эмоции отвращения, страха, грусти или гнева, в то время как у японцев негативные эмоции стали отражаться на лице реже и заменялись улыбкой .

Иными словами, даже присутствия экспериментатора оказалось достаточным для того, чтобы у японских испытуемых активизировались культурно-специфичные правила «показа» эмоций и проявились отличия от американцев, для низкоконтекстной культуры которых характерны не столь резкие изменения в поведении – в том числе и невербальном – в зависимости от особенностей ситуации. Следует также отметить, что на поведение японцев, придающих огромное значение статусу взаимодействующих с ними людей, не могло не повлиять то обстоятельство, что при демонстрации фильма присутствовал «старший высокостатусный экспериментатор».

В последние годы социальные психологи обратили особое внимание на межкультурные различия правил «показа» эмоций в разных ситуациях. В исследовании, проведенном в Венгрии, Польше и США, испытуемые должны были оценить, насколько уместной была бы демонстрация эмоций в присутствии членов своей группы, например близких друзей или родственников, и в присутствии членов чужой группы, например в общественном месте, при общении со случайными знакомыми. По мнению поляков и венгров, «среди своих» уместны позитивные эмоции, а негативные демонстрировать не следует. «Показ» негативных эмоций более уместен «среди чужих». Иными словами, испытуемые из Восточной Европы проявили стремление не расстраивать плохим настроением членов своей группы и мало заботы о чужих. Если судить по этим результатам, польская и венгерская культуры более коллективистичны, чем американская. Американские испытуемые посчитали более приемлемыми проявления гнева, отвращения или страха перед родственниками или друзьями, а не перед посторонними, в присутствии которых индивид в США должен всегда демонстрировать оптимизм и радость жизни.

Еще одним видом экспрессивного поведения человека являются *жесты* или выразительные движения рук. В обыденном сознании существует убеждение, что с их помощью – «на пальцах» – представители разных культур, даже не зная языка друг друга, могут объясниться между собой. Действительно, иностранцы о многом могут договориться с местными жителями с помощью жестов, имитирующих действия: изображающих курение сигареты, зажигание спички и т.п. Но даже в этом случае жесты могут быть поняты не везде, так как предполагают знакомство с тем или иным предметом. Кулак с отведенным указательным пальцем, предназначенный для показа пистолета, не даст основы для опознания в первобытной культуре, не знакомой со стрелковым оружием.

За последние десятилетия появилось большое количество работ, описывающих и систематизирующих жесты. В результате становится все более очевидным, что большинство жестов культурно-специфичны, и не только не способствуют межкультурной коммуникации, а затрудняют ее. Существует множество историй о попавших в затруднительное положение путешественниках, использовавших привычные для них жесты, которые, как оказалось, в других странах имеют совсем другое значение. Г. Триандис приводит пример, как американский президент Р. Никсон, не желая того, оскорбил бразильцев: он сложил в кольцо большой и указательный пальцы, т.е. использовал жест, означающий «окей» в США, но непристойный в Бразилии. Одинаковые по технике исполнения жесты могут по-разному интерпретироваться даже в разных районах одной страны. Так, региональные различия в значении кивания и покачивания головой из стороны в сторону как согласия или несогласия отмечены в Греции и Турции.

При подготовке индивидов к взаимодействию в инокультурной среде психологи обычно рекомендуют во избежание недоразумений использовать жесты как можно меньше. Этой же точки зрения придерживаются и специалисты по лингвострановедению, полагая, что на первом этапе изучения иностранного языка учащимся следует исключить невербальные средства своей национальной культуры, так как выучить и правильно употреблять систему жестов сложнее, чем выучить язык. Постепенно они должны быть ознакомлены с наиболее характерными жестами культуры изучаемого языка, но нет никакой необходимости стремиться к активизации всех жестов, в ряде случаев «то, что у носителя языка кажется обычным, у представителя другой страны становится неуместным».

Разные типы жестов в разной степени связаны с культурой. *Адаптеры*, (почесывание носа, покусывание губ) помогают нашему телу адаптироваться к окружающей обстановке, но со временем могут и утратить эту функцию. Хотя они слабо используются при межличностном общении, именно

культура определяет, какие из них прилично или неприлично использовать в той или иной ситуации. Иными словами, правилам их использования индивид обучается в процессе социализации.

Иллюстраторы непосредственно связаны с содержанием речи, визуально подчеркивают или иллюстрируют то, что слова пытаются выразить символически. Различия между культурами состоят в частоте и правилах использования определенных жестов. Некоторые культуры поощряют своих членов к экспрессии в жестах (в жестикуляции) во время вербальной коммуникации. К ним относятся еврейская и итальянская культуры, но манера жестикуляции в каждой из них имеет свой национальный колорит. В других культурах индивидов с детства приучают быть сдержанными при использовании жестов как иллюстраторов речи: в Японии считается похвальным умеренность и сдержанность в движениях, жесты японцев едва уловимы.

Все культуры выработали жесты-символы, имеющие собственное когнитивное значение, т.е. способные самостоятельно передавать сообщение, хотя они часто и сопровождают речь. Именно одним из культурно-специфичных символических жестов так неудачно воспользовался американский президент Никсон в Бразилии. Кстати говоря, значение сложенных кольцом большого и указательного пальцев чрезвычайно многообразно: в США это символ того, что все прекрасно, на юге Франции – «плохо, ноль», в Японии – «дай мне немного денег», а в некоторых регионах Европы, как и в Бразилии, – весьма непристойный жест.

Итак, между символическими жестами в разных культурах существуют весьма значительные различия. Исследователи пришли к заключению, что они тем сложнее для понимания в чужой культуре, чем больше дистанция между формой жеста и референтом (тем, что должно быть изображено). *«Намекающий жест* рукой «иди ко мне», видимо, будет понят повсеместно, хотя в разных культурах он не абсолютно идентичен: русские обращают

ладонь к себе и раскачивают кисть вперед и назад, а японцы вытягивают руку вперед ладонью вниз и согнутыми пальцами делают движение в свою сторону. Но «*договорный*» русский жест «на большой палец» («на ять») – поднятый вверх большой палец сжатой в кулак руки – может и не быть идентифицирован в другой культуре как символ одобрения или восхищения.

В проведенном в Голландии исследовании студенты не только определили значение большинства «намекающих» жестов, использованных китайцами и курдами, но и отметили, что подобные жесты представлены в их собственной культуре. Но некоторые из «договорных» жестов не были правильно интерпретированы ни одним из испытуемых.

В той или иной степени обусловлены культурой и другие элементы экспрессивного поведения человека, например поза. Например, «в Америке движение с выпрямленным телом символизирует силу, агрессивность и доверие». Когда же американцы видят «согбенную фигуру, ... то могут «прочитать» потерю статуса, достоинства и ранга». А в Японии люди, «выпрямившие поясницу», считаются высокомерными.

К сожалению, мы не имеем возможности описать межкультурные различия во всех системах невербального поведения, используемых в человеческой коммуникации. К настоящему времени наиболее изученной – кроме перечисленных – оказалась пространственно-временная организация общения (проксемика). Меньше внимания уделяется в этнопсихологии другим системам невербального поведения: разнообразным прикосновениям, основанным на тактильной системе знаков, паралингвистическим добавкам к речи, например интонации и громкости голоса, культуре запахов и т.п., хотя различия и в этих областях отнюдь не способствуют эффективному обмену информацией между представителями разных культур и народов.

Большой интерес представляет всестороннее изучение особенностей коммуникации в сложных, многокомпонентных обычаях и ритуалах. С этой точки зрения достаточно подробно в мировой науке проанализированы

погребальные ритуалы в традиционных обществах. Давно установлено, что стереотипизированные элементы вербального (крики, плачи, песнопения) и невербального (мимика, слезы, жесты) поведения их участников не являются стихийным, выражением индивидуальных эмоций, а носят публичный и социальный характер. Так, прежде всего социальным явлением предстает вытье по покойнику в русской деревне. Наблюдатели отмечали даже использование причитаний для передачи информации, абсолютно не связанной с обрядом похорон: вытье по покойнику служило предлогом для того, чтобы «разнести «при народе» своих недругов». Особенно часто пользовались этим «молодые бабы, терпящие действительные или мнимые обиды в семье от мужа, свекрови и др.»

Индийские психологи подчеркивают, что основным свойством личности индийцев является принятие противоречий. Прекрасный пример неразрывной связи вербальной и невербальной коммуникации предоставляют результаты эмпирического исследования, проведенного в США. При общении с соотечественниками на своем родном языке венесуэльцы оказывались на более близком расстоянии, чем японцы. Если же разговор испытуемых происходил на английском языке, то межкультурные различия практически полностью исчезали, а дистанция приближалась к принятой в американской культуре (средней между венесуэльской и японской). Паралингвистические (интонация, громкость голоса) и экстралингвистические (паузы) добавки, а также мимика, жесты, взгляды и многое другое. В русском литературном языке имеется около 20 общеупотребительных форм личных имен, а в разговорной речи выявлено не менее 80 экспрессивных суффиксов, используемых в именах.

В этом отражается второе значение понятия «высококонтекстная культура» – культура, в которой невербальное поведение оказывается более значимым, чем вербальное.

Впрочем, буквально в последний год и в самой Японии, и за ее пределами зрители оказались свидетелями целой серии телезрелищ, противоречащих всем канонам японской культуры: «мужчины (чаще всего это случалось с теми, кто потерпел финансовое фиаско) всхлипывали, рыдали, ревели». Объяснения тому, что и «японцы тоже плачут», психологи ищут в произошедших на протяжении жизни последних поколений изменениях в системе семейного воспитания, когда влияние отца из-за его загруженности во многих семьях свелось к минимуму, а «для матери сын – некий драгоценный сосуд, которым надо любоваться».

Кроме гнева, грусти, отвращения, страха, радости и удивления в наши дни к ним относят еще и презрение.

Правда, среди близких японцы любят смеяться и улыбаться, считая возможным «снять маски», дать волю чувствам печали или радости.

В этом случае мы имеем дело с предписанным культурой правилом использования улыбки. Французский социолог и этнолог М. Мосс обратил внимание и на «чрезвычайную распространенность обязательного и морально предписанного использования слез» в погребальных обрядах традиционных культур. Т.е. культура может регулировать не только сдерживание эмоций, но и гиперболизацию их проявления.

Еще один поразительный пример устойчивости символики жеста в разных культурах отмечен Ю. М. Лотманом. По его мнению, инвариантным является значение подпирания подбородка. Во всяком случае именно так изображается человек в состоянии выбора и в ритуальных фигурках африканского племени ндембу, и в «Мыслителе» О. Родена.

В более поздних исследованиях та же стратегия атрибуции была выявлена у китайцев и подтверждена для японцев.

К этому следует добавить, что в японской культуре рекомендуется придерживаться жизненного правила: «Причиной несчастья считай самого себя», и поощряется говорить о себе «плохие вещи».

ЛЕКЦИЯ 8. КАРТИНА МИРА КАК УСЛОВИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Картина мира является основной характеристикой этнокультурной группы. По определению, данному К.Гирцем, она представляет собой присущую носителю данной культуры «картину того, как существуют вещи,... его концепцию природы, себя и общества». Благодаря специфике картины мира во многом формируется самобытная культура группы, отличающую ее от других. Тем самым в силу различия картин мира общностей обеспечивается плюрализм социокультурных групп в мировом пространстве. Картина мира является фундаментальной составляющей менталитета этнокультурной группы, в соответствии с которой происходит формирование ценностно-смысловых установок, идеалов и представлений о смысле жизни. Иными словами картина мира объединяет все универсальные образы и понятия в единый общий групповой образ, наполненный специфическим для каждой группы смысловым содержанием. На наш взгляд, компоненты каждой из них преломляются по направлению от универсальной к личностной. Как известно, универсальная картина мира основывается на бинарных оппозициях: пространство-время, жизнь-смерть, природа-культура, свой-чужой, космос-хаос, женское-мужское и т.д., которые преломляются через этническую картину мира формируют образы, отличающие эту общность от другой. Например, пространство для белоруса, по причине географического положения, – это компактный мир, который возможно охватить взглядом (в отличие от российских просторов). Об этом свидетельствуют белорусские песни и сказки, пословицы и поговорки («Кожнаму свой куток», «была маленькая ўёска, гэтак мо дымоў п'яць ці шэсь. Жылі сабе там людзі, ніхто іх не чапаў,...бо мо кругом ... не было ні ўёскі, ні жоднай селібы»). Носитель культурного сознания (ценностей, норм и др.) своей группы, чувствует себя в ее условиях комфортно. При

попадании в инокультурную среду ему необходимо усвоить ее нормы, ценности, символы и язык (в коммуникативных целях). Процесс такой адаптации не может проходить безболезненно. Во многом это обусловлено тем, что усвоение картины мира происходит, в процессе социализации и инкультурации, с самого детства и подкрепляется всю жизнь, благодаря чему установки и ценности картины мира инкорпорируются человеком. Потому, например, для белорусских мигрантов, проживающих за пределами Родины, идеал замкнутого и узкого пространства сохраняется. Оно включает небольшой круг людей, объединенных общими интересами или, в большинстве случаев, родственными связями. Об этом свидетельствуют последние исследования, проведенные на территории США. Согласно опросу среди различных этнических групп 76 % белорусов проживают малочисленными по составу семьями. При попадании в инокультурную среду каждому человеку необходимо усвоить нормы, символы и язык (в коммуникативных целях) чужой для него культуры. Процесс такой адаптации не может проходить безболезненно. Во многом это обусловлено тем, что усвоение картины мира происходит, в процессе социализации и инкультурации, с самого детства и подкрепляется всю жизнь, благодаря чему ценностно-смысловые установки картины мира инкорпорируются человеком. Прибывая в иную страну, представители этнокультурной группы сохраняют основополагающую характеристику – картину мира. Поэтому, человек всегда будет испытывать трудности в адаптации, а значит, и в налаживании контактов с представителями другой группы. Ф.Бок назвал это явление «культурным шоком». *Культурный шок* – это конфликт двух групповых картин мира, происходящий на уровне личностного сознания. Но в силу того, что групповая картина мира – результат преломления через универсальную картину мира, между группами имеются общие точки соприкосновения:

чем ближе картины мира разных групп, тем более сходны их ценностно-смысловые установки, что является залогом их продуктивных взаимоотношений.

В соответствии с картиной мира можно разделить этнокультурные группы на несколько типов: группы-толеранты, группы-изоляты, группы-контактеры.

1. **Группы-толеранты** имеют сходные группоопределяющие факторы с титульным этносом вследствие общей истории, разделяемых ценностно-смысловых установок, широких контактов и т.д. Пример – русскоязычное население в современной Литве. В силу сходных группоопределяющих факторов (язык, религиозные и семейные ценностно-смысловые установки, общенациональные праздники и т.д.), порожденных длительным объединением в составе СССР, русские воспринимают литовцев как «своих». Доказательством этого могут послужить результаты опросов, проведенных в 2010 г. группой литовских социологов среди русскоязычного населения: для русских первой предпочтительной группой в браке после «своей» оказались литовцы (70–74%). Иными словами, ценностно-смысловая установка представителей этого типа группы по отношению к этносу ориентирована на сотрудничество.

2. **Группы-изоляты** принципиально отказываются от признания сходных группоопределяющих факторов с титульным этносом и намеренно изолируют себя. Например, для китайцев-мигрантов характерна тенденция благоприятствовать собственной группе и ее членам, проживающим на территории США, т.е. межгрупповой фаворитизм. Причиной этого служит убеждение китайцев, что американский индивидуализм (особенно в сопоставлении с китайским коллективизмом) способствует деградации личности. Возникновение такой убежденности связано с одной из основных американских ценностей – с

неограниченной свободой личности, приводящей к исчезновению коллективных ценностей. Это, по мнению, китайцев-коллективистов, вызывает распространение чувства «бессмысленности» существования личности. Глубинная причина китайского коллективизма – исторически сложившаяся регламентированность как базис китайской культуры. Она предполагает четкое разделение ролей, статусов в обществе и в соответствии с этим распределение благ, а также – подчиненность особой социальной структуре. Как следствие китайцы рассматривают группу как нечто целое, подчиненное общекультурному порядку, где тесно переплетаются интерес личности, семьи, группы и всего государства. Поэтому ценностно-смысловая установка китайцев не может не приходиться в столкновение с американской, предполагающей автономную самореализацию личности в отрыве от коллектива. В этом причина изоляционистских настроений китайцев в США.

3. Группы-контакты. Группы, не имеющие сходных группоопределяющих факторов с этносом, но разделяющие и принимающие образ жизни, сохраняют и используют маркеры своей специфики в узком пространстве семьи и близкого окружения. Например, белорусские мигранты на территории Канады в силу исторического сосуществования с различными этнокультурными группами (формирование диалогического опыта с группами-контактами) и в тоже время необходимости нахождения на этой территории строят свои отношения по принципу: «они иные, но не чужие». Это подтверждают итоги социологического исследования относительно взаимоотношений между белорусами и канадцами. Респондентам предложена квалификация взаимоотношений по пяти позициям: как «враждебные» (1,6 %), «терпимые» (4,8 %), «нейтральные» (17,8%), «уважительные» (52,7%), «дружественные» (23,1%). В связи с этим мы можем говорить о том, что

отношение канадских белорусов к титульному этносу характеризуется уважением и принятием их культуры.

Однако существует и **смешанный тип** – этнокультурные группы, имеющие определенный спектр ценностно-смысловых установок, которые могут не соответствовать или соответствовать лишь в малой степени подобным титульному этносу. Иными словами смешанная группа может изолироваться в религиозной сфере, но быть соглашателями или контактерами в ряде иных (например, этнокультурная сфера), или наоборот. Например, во Франции девять из одиннадцати национальных праздников имеют религиозное (христианское) происхождение и пять не носят религиозного характера, хотя почти каждый тринадцатый из французских граждан – мусульманин. Потому целесообразно в каждом отдельном случае рассматривать картины мира как некое сложное целое, формирующее сеть разновекторных устремлений и мотивов.

Подытожив предшествующий анализ, необходимо отметить, что в зависимости от картин мира групп (контакт, изоляция или толерантность) у представителей трех типов этнокультурных групп в мультикультурном пространстве, формируются разновекторные интеракций. Основная интенция, влияющая на межгрупповые взаимодействия, – отстаивание своих групповых ценностно-смысловых установок, которые расходятся с аналогичными титульной культуры (изоляты) или же соответствуют им по ряду параметров (толеранты, контактеры). В зависимости от статуса, характера и типа взаимоотношений сферы проявления ценностно-смысловых установок могут иметь разноплановый характер (социальные, религиозные, этнокультурные, политические, территориальные и др.).

ЛЕКЦИЯ 9. СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Стереотип поведения – неизменная составляющая самосознания любого этноса. Впервые термин “стереотип” по отношению к общности использовал американский журналист У.Липпман в 1922 году в книге “Общественное мнение” при анализе влияния имеющегося знания о предмете на его восприятие и оценку при непосредственном контакте групп. Согласно Липпману, стереотипы – это упорядоченные, детерминированные культурой “картинки мира” в мышлении человека, которые, во-первых, экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов, и, во-вторых, защищают его ценности, позиции и права. Иными словами, стереотипы ориентируют человека (и – шире – социум, а следовательно, и этнос) в море социальной информации и помогают сохранить высокую самооценку.

Исторически подавляющее большинство исследований социальных стереотипов посвящено этническим. Первое их серьезное эмпирическое исследование было проведено среди принстонских студентов в 1933 году в США Д.Кацем и К.Брейли по так называемой методике “Приписывание качеств”, которая до сих пор считается непревзойденной в рамках описательного направления изучения этностереотипов.

Другая линия исследования стереотипов возникла в 40-е годы в рамках контент-анализа. Его объектами являлись американская журнальная публицистика, немецкие кинофильмы, странички юмора во французских журналах и т.п. Подобная научная ориентация, объединяющая психологов, искусство- и литературоведов, историков, получила специальное название – имагология. Однако остается нерешенным вопрос, насколько адекватно литература, искусство, публицистика отражают стереотипы, существующие именно в обыденном коллективном сознании, а не относятся к личности конкретного автора.

Проблемой стереотипов занимались также Г.Оллпорт, Т.Шибутани, Р.Таджури, Г.Тэджфел, У.Тернер, Г.Триандис, Х.Дейкер и Н.Фрейда и др.

По Т.Шибутани, социальный (в т.ч. – и этнический) стереотип – это популярное понятие, обозначающее приблизительную группировку людей с точки зрения какого-то легко различимого признака, поддерживаемого широко распространенными представлениями относительно свойств этих людей.

Р.Таджури считает, что стереотип возникает из склонности воспринимающего субъекта легко и быстро заключать воспринимаемого человека в определенные категории в зависимости от его возраста, пола, этнической принадлежности, национальности и профессии и, тем самым, приписывать ему качества, которые считаются типичными для людей этой категории.

Итак, под термином “этнический стереотип” мы будем здесь и в дальнейшем понимать упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какого-либо этноса, распространяемый на всех его представителей и содержащий оценочный элемент.

Этнические стереотипы возникают на основе этнических установок. *Этнические установки (этнические аттитюды) – это убеждения, мнения, суждения людей, касающиеся исторического и современного бытия их этноса, а также – взаимоотношений членов данного этноса с другими народами.* Уже первые социопсихологические исследования установок были связаны с проблемой этничности. Так, в работе У.Томаса и Ф.Знанецкого “Польский крестьянин в Европе и Америке” роль аттитюдов оценивается так высоко, что саму социальную психологию (и этнопсихологию как ее составляющую) они определяли как научное исследование установок.

С целью лучшего понимания установки как психологического феномена следует обратиться к подходу, характерному для школы,

основанной в Тбилиси еще в начале XX века Д.Узнадзе. Установка в понимании Д.Узнадзе рассматривается не как изолированный фрагмент ментальности, а в качестве влияющей на личность (шире – социум, в нашем случае – этнос) в целом. В этом понимании ее можно трактовать как конкретное состояние целостного субъекта, как его модус, его модификацию в той или иной конкретной ситуации. Являясь отражением субъективного (внутреннего) и объективного (внешнего), а также будучи целостным состоянием субъекта, установка предстает в качестве “принципа связи” как между его отдельными состояниями, функциями, элементами, так и между целостным субъектом и транссубъективной реальностью. Немаловажно и то, что установка (по Д. Узнадзе) содержит не только каузальный, но и целеподобный момент в виде общей перспективной неразвернутой, можно сказать, намеченной вчерне, модели будущей деятельности, своеобразно отражающей ее конечный результат, т.е., в определенном смысле отражает не только настоящее, но также прошлое и будущее. Д.Узнадзе отмечает также, что в целом установка в большой степени неосознаваема индивидом (социумом). Важный момент состоит в том, что установка, будучи по Узнадзе практически бессознательной (в отличие от мотива), накладывает свой отпечаток на все аспекты восприятия человеком окружающей действительности. Это особенно важно в том отношении, что при возникновении у человека установки действия в определенном направлении он под ее влиянием замечает и учитывает лишь те явления и предметы, которые связаны с его мотивациями и потребностями. Таким образом, под влиянием установки человек из своего прошлого опыта непроизвольно выбирает и ставит в центр своего сознания явления, связанные с его установкой и осуществленным на ее основе поведением.

Интересно, что связав теорию установок Узнадзе с психоаналитической теорией социальной установки И.Сарноффа, рассматривавшего установки и ценности как части *super-ego*, можно сделать

вывод о том, что установки являются результатом действия своеобразных защитных (адаптационных) механизмов, призванных снизить напряженность социальных предписаний. А поскольку в настоящее время можно считать практически доказанным утверждение, что каждая культура имеет собственную “иерархию защиты”, и члены каждого этноса эксплуатируют по преимуществу определенные защитные свойства своей психики, мы можем судить о том, что установка является базисной категорией для понимания культурпсихологического склада этноса в целом. Это и имеет в виду Дж.Деверо, отмечая, что “этническое бессознательное – это часть бессознательного сегмента психики индивида, общая с другими членами его культурной общины. Этническое бессознательное состоит из материала, который каждое новое поколение учится репрессировать в соответствии с требованием преобладающих культурных образцов”. Но, думается, было бы неполным оценивать установки этноса как чисто “этнические”. На правах важных составляющих в них присутствуют и межэтнические установки. Под “межэтническими установками” здесь и далее мы будем понимать установки на отрицательное либо положительное взаимодействие с другими этническими общностями в любой сфере жизнедеятельности и в любом виде – от личного общения с членами иного этноса до восприятия явлений истории, феноменов культуры и иных цивилизационных форм. В этом контексте можно говорить о выполняемой установками функции минимизации риска в ситуации межнационального контакта. Кроме того, нам кажется, что понимание установки в чисто биопсихологическом ключе в целом недостаточно. Исследование проблемы адекватности установочных межэтнических образований (под этим термином Г.У.Солдатова подразумевает этноустановки, этностереотипы, предубеждения и предрассудки) в ее связи с реальным поведением необходимо требует сочетания гносеологического и онтологического подходов.

На центральную роль в исследовании установка выдвигается в работах таких крупнейших психологов как Ч.Кули и Г.Оллпорт. Согласно подтвержденным многими полевыми исследованиями взглядам последнего, установка – как личностная, так и больших социальных групп (в т.ч. этносов) – имеет глубинные корни в сфере бессознательного и особенно в социокультурных архетипах, в значительной степени остается неосознаваемой, но носит, главным образом все-таки сознательный характер. Осознанная установка именно в своей осознанной вершине выражает центральную направленность личности или социальной группы и является тем целостным комплексом базисных представлений, который определяет весь последующий выбор мотивов, интересов, пристрастий и предубеждений личности или общности, приятие или неприятие ими тех или иных идей, людей, культурных явлений и т.д., их эмоциональную окраску и оценку. При этом, несмотря на всю свою устойчивость к влияниям извне, установка в силу своей сознательности может видоизменяться или корректироваться личностью или социальной группой и поэтому – во всяком случае, в принципе – не имеет фатальной власти над человеком и человеческим сообществом. Согласно этим взглядам, психологические установки осуществляют не только и даже не столько защитную функцию, сколько функцию интенциональную, направленную на выработку человеком или сообществом в первую очередь позитивных аспектов мировоззрения, на самоутверждение данного субъекта в мире и достижения взаимопонимания и взаимосогласия внутри данного социального сообщества. Интересно с этой точки зрения неоднократно высказываемое им в различных дискуссиях 70-80-х гг. в “круглых столах” журнала “Вопросы философии” предположение М.Мамардашвили, что установки одновременно существуют в нашем сознании, в мире понимания адекватных действий, в то же время не являющихся действиями в привычном смысле слова, которые строятся по схеме сознательно прослеживаемой связи между намерениями и

выполнением, между целями и средствами, не являющихся сознательной интенцией.

Исходя из вышеозначенной проблемы, целесообразно поставить вопрос о возможности адекватных сознательных действий по отношению к установочным образованиям. Думается, возможно в силу двух причин: во-первых, межэтнические установки адекватны уже постольку, поскольку интенциональны. А как межгрупповые социально-перцептивные феномены, функционирующие в этноконтактной ситуации, они интенциональны вдвойне, т.к. их содержание отражает неразрывное единство двух объектов и направленность одновременно на два объекта – внешнюю этническую группировку и собственную, а также (и тоже одновременную) направленность на этноконтактную ситуацию. Во-вторых, именно категория “Мы” защищается установочными образованиями, причем, способы такой защиты различны в каждом этносе (в силу различий ценностной структуры его менталитета), и, кроме того, эти способы характеризуются (как это видно из материалов эмпирических исследований) не столько агрессивными формами выражения отношения к иноэтническим группам, сколько когнитивным искажением. Неадекватное отражение реальности в когнитивном содержании межэтнических установочных образований – результат их функции позитивной групповой идентичности. В том и состоит их адекватность реальности, т.к. их внутреннее содержание и направленность соответствуют социально-психологическим закономерностям их формирования и функционирования. Что же касается проблемы адекватности стереотипам характеристик определенных этнических групп, тут мы сталкиваемся с совершенно другой проблемой, а именно так называемой проблемой “зерна истины”, и речь о ней впереди.

Не случайно в этнопсихологии уже с 50-60-х гг. утвердилось представление о трехкомпонентной структуре социальной установки: когнитивный компонент (взгляд члена социума (этноса) на мир и образ того,

к чему он стремится); эмоционально-оценочный (антипатии и симпатии по отношению к значимым объектам) и поведенческий (регулятивный) компонент. С помощью установок член этноса приобщается к этнической системе ценностей и норм (инструментальная функция), они помогают сохранить статус-кво личности как представителя этнической общности в напряженных для этой общности ситуациях (функция самозащиты), способствуют самоутверждению личности как члена этноса и самой общности в глазах ее представителя (ценностно-экспрессивная функция), а также выражаются в стремлении индивида привести в определенную личностно интериоризованную систему коллективные знания, нормы, ценности.

Совокупность взаимосвязанных этнических установок представляет собой уже *этнические (национальные) ориентации*, в соответствии с которыми и возникают стереотипы. С другой стороны, следует отметить нередкое и в пост-советской, и в западной науке нечеткое разделение установок и стереотипов. Первый шаг по пути их разделения был сделан М.Рокичем, который пришел к выводу о том, что необходимо развести аттитюды на объект, и аттитюды на ситуацию. И если этнические и межэтнические установки могут быть направлены и на объект, и на ситуацию, то стереотипы имеют устойчивую направленность на объект (в нашем случае на конкретную этническую группу), проявляющуюся в реальных или предполагаемых этноконтактных ситуациях. Следует также отметить, что межэтнические взаимоотношения, выражающиеся в этноконтактных ситуациях, включают не только собственно-взаимодействия, не только отношения между группами, но и отношение к группам, которые проявляются в представлениях о них – от позитивных до предрассудков.

Стереотип как феномен — неременный атрибут этнической повседневности. Генезис стереотипизирования можно проследить в двух аспектах: в гносеологическом (роль стереотипов в познании) и в

социологическом (социальные функции стереотипов). В первом аспекте чрезвычайно важна такая причина стереотипизации как принцип экономии усилия, на основе которого происходит процесс категоризации, в итоге порождающий в сознании индивида своеобразный образ мира. Серьезно дополнительным является предположение психолога А. Леонтьева о том, что “проблема восприятия должна ставиться как проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности”. Далее исследователь подчеркивает, что мерность или категориальность мира суть характеристика образа мира, не имманентная самому миру, т.е., когнитивный процесс категоризации отражает категориальность объективного мира. Это вплотную подводит нас к пониманию принципа экономии усилий как выражения необходимости для индивида определенной схемы, благодаря которой он может не реагировать каждый раз по-новому на новые факты и явления, а подводить их под уже имеющиеся категории. “Если бы в окружающем мире не было бы единообразия, – пишет Липпман, – то не существовало бы никакой экономии усилия, а только ошибки... Но такое единообразие существует, а необходимость в экономии внимания настолько неизбежна, что отказ от всех стереотипов в пользу чисто опытного подхода подорвал бы человеческое существование”. Категоризация протекает в соответствии с так называемым “принципом биполярности”, основанном принципе бинарных оппозиций и раздваивающемся на единство и противоположность дифференциации и самоидентификации. Вторая причина стереотипизирования по Липпману – защита групповых ценностей, являющаяся чисто социальной. Липпман пишет, что стереотипы – “крепость, защищающая наши традиции, и за ее стенами мы можем чувствовать себя в безопасности в том положении, которое мы занимаем... Неудивительно, что любое посягательство на наши стереотипы кажется нам покушением на основы НАШЕГО мироздания”. В этом смысле можно предположить, что понятие стереотипа поведения близко к понятию социальной нормы –

исторически сложившегося правила поведения и оценки действий члена общности. Но, в отличие от нормы, этнические стереотипы поведения существуют не только для ее соблюдения, но и для ее нарушения, т.к. неправильное поведение тоже имеет свои стандарты. Примером стереотипизации неправильного поведения внутри этнической общности может служить феномен карнавала. Если же развить этот тезис по отношению к этноконтактной ситуации, то как приближение к норме обычно воспринимаются собственные стереотипы или автостереотипы, а как отклонение от нее – гетеростереотипы.

Автостереотипы – это представления о собственном этносе, включающие в себя мнения, суждения, оценки, преимущественно положительные. Цель автостереотипа — воспитание и поддержание позитивной самоидентификации. Для этих целей используются определенные приемы, такие как: поиск божественных предков; стремление отодвинуть происхождение этноса как можно дальше вглубь истории; культ национальных героев — реальных и вымышленных и т.д. *Гетеростереотипы значительно менее доброжелательны. Главная точка этого вида стереотипов — так называемый “комплекс ино-странности”, предполагающий, что член другого этноса не только “иной”, но и “странный”.* Так, уже в античных описаниях чужих по отношению к автору народов (например, у Геродота, у Полибия) сначала выделяется самый необычный признак, безотносительно к каким аспектам жизни народа он бы ни относился. Усугубление такого признака (часто нарочито предпринятое в социально-политических целях) нередко приводит к перерастанию стереотипа в предубеждение, в предрассудок и зачастую ведет к этноцентризму. При этом особое значение имеют социально-психологические, бытовые и исторические причины.

Предубеждение — это общественное явление, тесно связанное с политическими и социокультурными причинами. Часто это — историческое

наследие колониализма или экономической конкуренции. Предубеждение или негативный этнический стереотип — та начальная форма антипатии между народами, которая предшествует межэтнической нетерпимости. Причиной возникновения негативного этнического стереотипа является этноцентризм, понимаемый здесь как склонность воспринимать все жизненные явления сквозь призму культуры, традиционных установок и ценностных ориентаций “своей” этнической группы, рассматриваемой как эталон, т.е. при известном ее предпочтении. Следовательно, можно предположить, что основными показателями этноцентризма являются:

- * восприятие элементов своей культуры как “естественных” и “правильных” в отличие от других культур;
- * рассмотрение обычаев своей группы как универсальных;
- * оценка норм, ролей и ценностей своей группы как неоспоримо верных;
- * представление о том, что для человека естественно сотрудничать с членами своей группы, оказывать им помощь в отличие от членов других групп, по отношению к которым должно проявляться недоверие и даже враждебность.

Следовательно, явление этноцентризма, важное для понимания механизма этнических стереотипов, заключается не только и, главным образом, не в представлениях, ставящих собственную этническую группу выше других, но также и в действии так называемого “эффекта призмы”. Потому для всех этнических стереотипов, как позитивных, так и негативных – предубеждений и предрассудков, существенен элемент сравнения и сопоставления. Отсюда следует относительность содержания этнических стереотипов: оценка, в первую очередь, зависит от начальной точки отсчета (так, финн может охарактеризовать немца как открытого и общительного, а итальянец – как замкнутого и сдержанного).

Крайняя форма проявления негативного стереотипа – этнический или национальный предрассудок. В советской науке “пальма первенства” открытия этой темы принадлежит И.Кону (раб. “Психология предрассудка”). В американской науке такой работой является кн. Г.Оллпорта “Природа предрассудка”, где представлена шкала, включающая пять ступеней межгрупповой антипатии: вербальная реакция, уклонение, дискриминация, физическое воздействие и истребление. Думается, две последние формы можно определить как производные делегитимизации – категоризации группы или групп в супернегативные социальные категории, исключаемые из реальности приемлемых норм и ценностей. Ее целью является полная дифференциация своей и чужой групп вплоть до исключения последней из рода человеческого. Эта последняя степень комплиментарности, разделяющая свою и чужую группу не только на “своих” и “чужих”, но, скорее, на “людей” и “нелюдей”. Таким делигитимизированным образом в общественном сознании является так называемый “образ врага”. Долгое время бытовало мнение, что именно благодаря наличию у той или иной этнической группы “образа врага” и происходят межэтнические конфликты, войны. Теперь все больше этнопсихологов и культурологов считает, что именно ситуация конфликта, напряженности и являет собой ту почву, на которой возрастает “образ врага”. Думается, что одинаково существенны оба эти фактора, образующие своеобразный “порочный круг”, который крайне трудно разорвать. Несмотря на то, что направленность этнических предрассудков с течением лет меняется, напряжение в отношении к какому-то народу ослабевает, исчезает, однако, процесс это очень медленный. Более мягкой разновидностью “образа врага” является так называемый “полярный образ”, связанный с социальной атрибуцией. Суть его состоит в следующем: членам своего этноса приписываются только положительные образы, а “врагам” – противоположные негативные. Такие атрибуты являются своеобразным

эмпирическим индикатором межгрупповой дифференциации в форме противопоставления. Наиболее ярко оно проявляется в создании “зеркального образа”. когда члены конфликтующих групп приписывают идентичные положительные черты себе, а идентичные отрицательные – членам конфликтующего с ними этноса (взаимные стереотипы американцев и русских в пору холодной войны).

Что касается психологии отдельного члена этноса, то обычно он не осознает свои этнопредубеждения как предубеждения. Он уверен, что его враждебное отношение к членам другого этноса оправдано, т.к. вызвано их плохим поведением и дурным характером. Когда подобные претензии возникают к членам своего этноса, они так и остаются претензиями к определенному человеку. В том же случае, если повздорившие люди относятся к разным национальностям, конфликтная ситуация немедленно обобщается, и отрицательные черты приписываются всем представителям чужого народа. Это происходит, вероятно, потому, что отрицательные эмоции индивида накладываются на готовый стереотип, на установки, впитанные, что называется, “с молоком матери”. В этом — причина того, что из черт характера чужого народа предубежденный человек непременно выберет и гиперболизирует отрицательные и проигнорирует положительные, в то время, как в отношении к собственному народу будет произведено обратное действие. Такой вид стереотипов в последние три десятилетия принято называть *социальными каузальными атрибуциями*. Попытка создания теории социальной (групповой) атрибуции была предпринята М.Хьюстоном и Й.Яспарсом, понимавшими социальную атрибуцию как интерпретацию поведения и результатов деятельности индивидов на основе их группового членства. Основной функцией таковой атрибуции является поддержание или усиление позитивной групповой идентичности, что проявляется в предпочтении своей группы благодаря утверждению ее положительного образа по сравнению с другими сопоставимыми с ней

группами. Так, в случае, если такой группой является этнос либо этническая группа, стратегия, позволяющая сохранить позитивную идентичность, состоит в использовании этноцентристских атрибуций, при которых успех своей группы и неудача чужой группы объясняется внутренними причинами, а неудача своей группы и успех чужой – внешними. Но при благоприятных условиях межэтнического взаимодействия – отсутствии явных конфликтов, относительно равном статусе и т.п. – предпочтение своей группы не будет столь четко выражено, а атрибуции будут отражать дифференциацию не только в форме противопоставления, а и в форме сопоставления. Кроме того, необходимо учитывать и тот факт, что некоторые этнические группы (в частности, группы подчиненного меньшинства), не видящие альтернативы существующей системе, довольно часто используют этноцентристские атрибуции, но отражающие тенденцию к обесцениванию своей группы и оказанию предпочтения доминантной группе. То же можно сказать о кризисных этносах (народах Севера на территории бывшего СССР, китайцы в Малайзии и т.п.).

Это доказывает, что по своему содержанию гетеростереотип не всегда враждебен. Иногда благожелательный вариант стереотипа возникает из осознания идеологически активной частью народа, формирующей в большинстве случаев эти стереотипы, определенных психологических особенностей другого народа, которые желательно было бы привить или усилить в собственном народе. А чаще он бывает и положительным в том случае, если две группы содержат значительное количество черт общей культуры, их различающиеся черты не мешают их взаимоотношениям, а политические отношения между этносами носят благожелательный и конструктивный характер. В таком случае дифференциация осуществляется уже не в форме противопоставления, а в форме сопоставления двух этногрупп и проявляется в построении взаимодополняющих образов. Достаточно ярко эта тенденция выразилась в исследовании, проведенном в

1987 г. Богомоловой Н.Н. и Стефаненко Т.Г., когда московские студенты оценивали “типичного советского человека” и “типичного американца”. Большинство черт, вошедших в стереотип, было положительными, но ни одно из качеств не повторилось, более того, все они принадлежали к различным бинарным оппозициям. Итак, в непроблемных этноконтактных ситуациях, без напряжения и внешнего давления для этнической (национальной) идентификации и самоидентификации большое значение приобретают не атрибуты по принципу противопоставления, а реальные или культурно постулируемые, но при этом обязательно не абсолютизируемые различия, которые осознаются в процессе межэтнического сопоставления. Исходя из понятия “нормы” межэтнического общения, когда основой взаимодействия в этноконтактной ситуации является социокультурный диалог, причем, диалог не просто двух этногрупп, или двух этнофоров, а в их лице – диалог двух контекстов, актуализация этнического стереотипа приобретает характер нормальной составляющей межэтнического общения. Подобные условия функционирования этнического стереотипа соответствуют основным условиям уменьшения межэтнической напряженности, эмпирически выявленным в рамках самостоятельного направления западной межгрупповой психологии, получившего условное наименование “контактных гипотез”. Это направление уже с самого своего зарождения базировалось на идее, что позитивное изменение стереотипов зависит не от числа и интенсивности контактов, а от самой их природы. Три основных условия уменьшения межэтнической напряженности – равный статус контактирующих групп, поощрение и поддержка межэтнических контактов властями и кооперативное взаимодействие, предполагающее наличие общей цели, были определены еще в 1954 г. Оллпортом и интенсивно верифицируются в рамках “контактных гипотез” до настоящего времени. Так, в конце 70-х гг. вследствие обобщения результатов этих исследований, последователи Оллпорта указали на еще одно условие

уменьшения межэтнической напряженности: на то, что контакт должен носить не случайный характер, а осуществляться на основе знакомства и психологической близости. Думается, можно дополнить это условие следующим соображением: благоприятное изменение стереотипов возможно на основе контакта с такой личностью из внешней этнической группы, образ которой расходится со стереотипом этой группы, причем контакт должен обеспечивать возможность раскрытия индивидуальных характеристик этой личности.

В случае соблюдения вышеуказанных условий, стереотип обретает самостоятельный социально-психологический статус в этноконтактной ситуации и выполняет в ней важную роль: на основе актуализации этностереотипа как системы представлений прогнозируется поведение другой стороны и в соответствии с прогнозом устанавливается психологическая коммуникативная дистанция, реально регламентирующая процесс межэтнического общения. Актуализация этнического стереотипа в этноконтактной ситуации, представляющая, в первую очередь, осознание особенностей “внешних” этнических групп – это первый акт межкультурного понимания. Сам этнический стереотип являет собой внутреннедиалогичное образование, что хорошо видно при анализе его структуры, в которой взаимодействуют авто- и гетеростереотипы. Во многом поэтому при положительных условиях в этноконтактной ситуации стереотип может быть предпосылкой активизации процесса межкультурного взаимопонимания. Кроме того, этностереотип является частью содержания межкультурной (межэтнической) коммуникативной компетенции, при условии, конечно, знания его основных свойств и проблем, связанных с ним.

Среди наиболее характерных свойств этнических стереотипов исследователи зачастую выделяют следующие:

* *эмоционально-оценочный характер.* Для понимания этнических (или национальных) стереотипов крайне важно осознать, что они всегда

представляют собой эмоциональное, субъективное, во многом иррациональное и почти всегда искаженное отражение действительности, что, впрочем, ни в коей степени не исключает содержащегося в них когнитивного элемента. По образному выражению Липпмана, стереотип “заряжен чувствами”. Чем тверже оценка, тем большую эмоцию вызывает любая попытка подвергнуть стереотип сомнению, и, наоборот, чем интенсивнее эмоция, тем категоричнее выражающее ее мнение.

* *устойчивость, ригидность к новой информации.* Роль этого фактора отмечают практически все исследователи. Так, П.Н.Шихирев указывал на то, что центральная проблема в исследовании стереотипа – объяснение его устойчивости и поляризованности. Многие считают устойчивость, ригидность стереотипа негативным качеством ввиду ее чрезмерности. Но думается, что исследователи, отождествляющие устойчивость (стабильность) и ригидность и в отношении стереотипов правы не вполне. Так, устойчивость представляется нам характеристикой, скорее, связанной со временем, и этот термин следует употреблять по отношению к существованию одних и тех же стереотипов у нескольких поколений данного этноса. Термин же “ригидность”, с нашей точки зрения, должен обозначать специфику в организации индивидуального восприятия – недостаток гибкости, зависимость от сформированных в прошлом образов. О ригидности стереотипов можно говорить в том случае, если они не изменяются в свете: 1) получения новой информации о стереотипизируемой группе; 2) изменения потребностей, интересов и мотивов субъекта; 3) изменившегося характера взаимодействия между стереотипизируемой и стереотипизирующей группами. Так что при том, что ригидность присуща многим стереотипам, она отнюдь не является их обязательным компонентом. Тем не менее, даже самые ложные из них достаточно устойчивы: вероятно, по той причине, что члены этноса воспринимают именно свою поведенческую модель как единственно верную.

* *избирательность восприятия информации*, о которой говорилось выше.

* *согласованность*, понимаемая как высокая степень единства представлений среди членов стереотипизирующей группы. Социальными (в том числе и этническими) стереотипами можно считать лишь представления, разделяемые большим количеством индивидов в пределах социальных общностей. Существуют даже попытки выделения не совпадающих с социальными индивидуальными стереотипов, когда индивидом “на основе ограниченной информации об отдельных представителях каких-либо этнических групп строятся предвзятые выводы относительно всей группы.

Социальными психологами, этнологами, культурологами предпринимались попытки выделить и другие свойства стереотипов: интенсивность распространения среди членов описываемой группы, сложность, дифференцированность, иерархичность структуры и т.д. Но с самыми серьезными проблемами исследователи столкнулись при попытке выявления степени истинности стереотипов.

У.Липпман считал неточность и даже ложность одной из важнейших характеристик социальных (в т.ч. и этнических) стереотипов. В дальнейшем стереотипы характеризовались как прямая дезинформация, совокупность мифологических представлений и т.п. Ложность стала настолько прочно ассоциироваться с понятием “стереотип”, что был даже предложен новый термин “социотип” как определяющий стандартное, но истинное знание о социальной группе. Лишь начиная с 50-х годов получила распространение гипотеза О.Клайнберга о “зерне истины” в стереотипе. С этого времени предпринимались обширные исследования социо- и, главным образом, этностереотипов. Но вопрос о достоверности стереотипа так и остался в большой мере открытым.

Стереотип может быть более или менее полным (зачастую – ложным), но мы всегда “вычерпываем” его из реальности. Пусть в искаженном виде, но

стереотипы всегда отражают объективную реальность: свойства двух взаимодействующих групп и – главное – декларируемые отношения между ними. Именно от характера отношений – сотрудничества или соперничества, доминирования или подчинения – зависят основные измерения стереотипов, такие как содержание, направленность (общее измерение доброжелательности), степень благоприятности и, в конечном счете, степень их истинности.

Скрытые межэтнические противоречия, основанные на взаимно негативных стереотипах, сами нередко приводят к возникновению острых межэтнических конфликтов. Таков, например, конфликт между армянами и азербайджанцами, возникший в последние годы существования советской власти.

Если вплотную приложить понятия установки и этнического стереотипа к феномену самоидентификации и — шире -- самосознания народа, то можно сделать вполне, на наш взгляд, обоснованное предположение о том, что установка предшествует самосознанию: во многом самосознание этноса строится и интегрируется ввиду установок. Именно единство базисных установок является предпосылкой формирования и развития этноса как единого устойчивого духовного и поведенческого целостного сообщества. Что касается этностереотипов, то они возникают на основе установок, когда первичный процесс формирования этноса как социокультурной общности близится к завершению. Именно в этот момент они начинают осуществлять одну из своих основных функций - функцию защиты этнических ценностей и этнического стиля жизни на базе различия. Тогда они и становятся идентификатором этнической принадлежности и маркером дифференциации, играя при этом стабилизирующую роль удерживания этноса в состоянии стабильного целого. К негативным последствиям этого явления относятся отчуждение, негибкость, доходящая до ригидности по отношению к другим этническим

общностям. Основным моментом развития этносов — преодоление этностереотипов, и возникающий при этом баланс характерен для развитых этносов. С другой стороны, исполнение утопической мечты ряда исследователей о полном уничтожении этностереотипов привело бы к быстрой гибели этносов. Но, безусловно, ряд негативных стереотипов нуждается в коррекции с целью их преодоления и благодаря тому, что установка (понимаемая нами как базис стереотипа) подлежит сознательным изменениям, подлежат ему и негативные стереотипы. Думается, это одна из наиболее насущных на данный момент задач этнических и национальных культур.

ЛЕКЦИЯ 10. АККУЛЬТУРАЦИЯ И ЕЕ СТРАТЕГИИ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

С древнейших времен войны и стихийные бедствия, поиски счастья и любознательность заставляют людей перемещаться по планете. Многие из них – переселенцы – покидают родные места навсегда. Визитеры (дипломаты, шпионы, миссионеры, деловые люди и студенты) длительное время живут в чужой культуре. Туристы, а также участники научных конференций и т.п. оказываются в непривычном окружении на непродолжительное время.

Не следует думать, что само по себе установление непосредственных контактов между представителями разных стран и народов приводит к более открытым и доверительным отношениям между ними. Все мигранты в той или иной мере сталкиваются с трудностями при взаимодействии с местными жителями, поведение которых они не способны предсказать. Обычаи страны пребывания часто кажутся им загадочными, а люди – странными. Было бы крайним упрощением считать, что негативные стереотипы могут быть разрушены директивными указаниями, а знакомство с непривычным образом жизни, обычаями и традициями не вызовет неприятия. Увеличение межличностного общения может привести и к усилению предубеждений. Поэтому очень важно определить, при каких условиях общение между представителями разных стран и народов оказывается наименее травмирующим и порождает доверие.

Исследователи рассматривают множество переменных, от которых зависит благоприятность взаимодействия представителей разных культур и этносов:

- территория, которая может быть общей или «своей» лишь для одной из групп;
- продолжительность взаимодействия (постоянное, долговременное, кратковременное);

- цель (совместная деятельность, совместное проживание, учеба, досуг);
- тип вовлечения в жизнь общества (от участия до наблюдения);
- частота и глубина контактов;
- относительное равенство статуса и прав;
- численное соотношение (большинство – меньшинство);
- явные различительные признаки (язык, религия, раса).

Но и при самых благоприятных условиях контакта, например при постоянном взаимодействии, совместной деятельности, частых и глубоких контактах, относительно равном статусе, отсутствии явных различительных признаков, у переселенца или визитера могут возникнуть сложности и напряженность при общении с представителями страны пребывания. Очень часто мигрантов охватывает тоска по родине – ностальгия. Как отмечал немецкий философ и психиатр К.Ясперс (1883–1969), чувства тоски по родине знакомы людям с глубокой древности:

«Ими мучается Одиссей и, несмотря на внешнее благополучие, гоним по свету в поисках Итаки. В Греции, в особенности в Афинах, ссылка считалась самым большим наказанием. Овидий нашел позднее много слов для жалоб на свою тоску по Риму ... Изгнанные евреи плакали у вод Вавилона, вспоминая Сион».

Боль разлуки с родиной ощущают и современные переселенцы. По данным социологического опроса очень многих из эмигрантов «четвертой волны», т.е. тех, кто выехал из бывшего СССР в последние годы, мучает ностальгия: в Канаде – 69%, в США – 72%, в Израиле – 87%.

Поэтому большое значение приобретает изучение межкультурной адаптации, в широком смысле понимаемой как сложный процесс, благодаря которому человек достигает соответствия (совместимости) с новой культурной средой, а также результат этого процесса. Обычно выделяют внутреннюю сторону адаптации, выражающуюся в чувстве

удовлетворенности и полноты жизни, и ее внешнюю сторону, которая проявляется в участии индивида в социальной и культурной жизни новой группы.

Интерес к проблемам межкультурной адаптации возник в мировой науке в начале XX века. Но долгое время серьезные исследования проводились только этнологами при изучении аккультурации, которую Р.Редфилд, Р.Линтон и М-Херсковиц определили как «результат непосредственного, длительного контакта групп с разными культурами, выражающийся в изменении паттернов культуры одной или обеих групп». Первоначально аккультурация рассматривалась как феномен группового уровня, и лишь позднее было введено понятие психологической аккультурации. Если аккультурация – это процесс изменения в культуре группы, то психологическая аккультурация – это процесс изменения в психологии индивида. Но и в этом случае имеются в виду изменения ценностных ориентации, ролевого поведения, социальных установок индивидов, чья группа подвергается общей аккультурации.

С 50-х гг. в психологии проявился интерес к межкультурной адаптации индивидуальных переселенцев и визитеров, что стимулировалось послевоенным бумом в обмене студентами и специалистами и массовыми миграционными процессами. Речь идет прежде всего о многочисленных исследованиях приспособления (adjustment) к новой культурной среде с акцентом на патологические феномены (невротические и психосоматические расстройства, отклоняющееся и преступное поведение и т.п.). Впрочем, первыми – и очень давно – на часто встречающиеся случаи неадаптированности человека в чужой культуре обратили внимание психиатры. Болезнь тоски по родине, которую швейцарский врач И.Хофер назвал ностальгией, они начали изучать в XVII веке.

Успешное приспособление обычно определяется как ощущение гармонии с ближайшим окружением, а основное внимание уделяется анализу

чувства удовлетворенности, психологического благополучия и душевного здоровья «чужаков». Практически не затрагиваются возможные аккультурационные изменения. Это отражается в обращении к понятию культурный шок и к сходным с ним понятиям шок перехода, культурная утомляемость.

Термин «культурный шок» был введен американским антропологом К. Обергом, который исходил из идеи, что вхождение в новую культуру сопровождается неприятными чувствами – потери друзей и статуса, отверженности, удивления и дискомфорта при осознании различий между культурами, а также путаницей в ценностных ориентациях, социальной и личностной идентичности.

Симптомы культурного шока весьма разнообразны: постоянное беспокойство о качестве пищи, питьевой воды, чистоте посуды, постельного белья, страх перед физическим контактом с другими людьми, общая тревожность, раздражительность, недостаток уверенности в себе, бессонница, чувство изнеможения, злоупотребление алкоголем и наркотиками, психосоматические расстройства, депрессия, попытки самоубийства. Ощущение потери контроля над ситуацией, собственной некомпетентности и неисполнения ожиданий могут выражаться в приступах гнева, агрессивности и враждебности по отношению к представителям страны пребывания, что отнюдь не способствует гармоничным межличностным отношениям.

Чаще всего культурный шок имеет негативные последствия, но следует обратить внимание и на его позитивную сторону хотя бы для тех индивидов, у кого первоначальный дискомфорт ведет к принятию новых ценностей и моделей поведения и, в конечном счете, важен для саморазвития и личностного роста. Исходя из этого канадский психолог Дж. Берри даже предложил вместо термина «культурный шок» использовать понятие «стресс аккультурации»: слово шок ассоциируется только с негативным опытом, а в

результате межкультурного контакта возможен и положительный опыт – оценка проблем и их преодоление.

Как правило, проблема культурного шока рассматривается в контексте так называемой кривой процесса адаптации. В соответствии с этой кривой Г.Триандис выделяет пять этапов процесса адаптации визитеров.

Первый этап, называемый «медовым месяцем», характеризуется энтузиазмом, приподнятым настроением и большими надеждами. Действительно, большинство визитеров стремятся учиться или работать за границей. Кроме того, их ждут на новом месте: ответственные за прием люди стараются, чтобы они чувствовали себя «как дома» и даже обеспечивают некоторыми привилегиями.

Но этот этап быстро проходит, а на втором этапе адаптации непривычная окружающая среда начинает оказывать свое негативное воздействие. Например, приезжающие в нашу страну иностранцы сталкиваются с некомфортными с точки зрения европейцев или американцев жилищными условиями, переполненным общественным транспортом, сложной криминальной обстановкой и многими другими проблемами. Кроме подобных внешних обстоятельств, в любой новой для человека культуре на него влияют и психологические факторы: чувства взаимного непонимания с местными жителями и неприятия ими. Все это приводит к разочарованию, замешательству, фрустрации и депрессии. В этот период «чужак» пытается убежать от реальности, общаясь преимущественно с земляками и обмениваясь с ними впечатлениями об «ужасных аборигенах».

На третьем этапе симптомы культурного шока могут достигать критической точки, что проявляется в серьезных болезнях и чувстве полной беспомощности. Не сумевшие успешно адаптироваться в новой среде визитеры-неудачники «выходят из нее» – возвращаются домой раньше положенного срока.

Однако намного чаще визитеры получают социальную поддержку окружения и преодолевают культурные различия – изучают язык, знакомятся с местной культурой. На четвертом этапе депрессия медленно сменяется оптимизмом, ощущением уверенности и удовлетворения. Человек чувствует себя более приспособленным и интегрированным в жизнь общества.

Пятый этап характеризуется полной – или долгосрочной, по терминологии Берри, – адаптацией, которая подразумевает относительно стабильные изменения индивида в ответ на требования среды. В идеале процесс адаптации приводит к взаимному соответствию среды и индивида, и мы можем говорить о его завершении. В случае успешной адаптации ее уровень сопоставим с уровнем адаптации индивида на родине. Однако не следует отождествлять адаптацию в новой культурной среде с простым приспособлением к ней, о чем еще будет сказано ниже.

Итак, пять этапов адаптации формируют U-образную кривую: хорошо, хуже, плохо, лучше, хорошо. Но испытания даже успешно адаптировавшихся визитеров не всегда заканчиваются с возвращением на родину, так как им приходится пройти через период реадаптации, испытать «шок возвращения». В первое время они находятся в приподнятом настроении, рады встрече с родственниками и друзьями, возможности общаться на родном языке и т.п., но затем с удивлением отмечают, что особенности родной культуры воспринимаются ими как непривычные или даже странные. Так, некоторых немецких студентов, обучавшихся в нашей стране в советский период, по возвращении на родину очень раздражало, что немцы скрупулезно соблюдают «порядок», например переходят улицу только на зеленый свет. И лишь постепенно они, как и другие визитеры, полностью приспособились к жизни в родной стране. По мнению некоторых исследователей, этапы реадаптации повторяют U-образную кривую, поэтому для всего цикла была предложена концепция W-образной кривой адаптации.

Многочисленные эмпирические исследования, проведенные в последние годы, ставят под сомнение универсальность U - и W -образных кривых. Действительно, люди, попадая в новую культурную среду, не обязательно проходят через все этапы адаптации и реадaptации. Во-первых, культурный шок испытывают не все визитеры, хотя бы потому, что некоторые из них – туристы – обычно возвращаются домой до окончания первого этапа. Во-вторых, пребывание в чужой стране не обязательно начинается с «медового месяца», особенно, если своя и чужая культуры сильно отличаются друг от друга. В-третьих, многие визитеры не завершают процесса адаптации, так как уезжают, как только начинают ощущать симптомы культурного шока. В-четвертых, возвращение домой далеко не всегда оказывается травмирующим.

Значительно отличается от описанного выше процесс адаптации переселенцев, ведь им необходимо полностью интегрироваться в культуру – достичь высокого уровня культурной компетентности, полностью включиться в жизнь общества и даже трансформировать социальную идентичность.

В психологии накоплены свидетельства о значительных различиях в протекании процесса межкультурной адаптации и его продолжительности – от нескольких месяцев до 4–5 лет – в зависимости от характеристик визитеров и переселенцев и особенностей своей и чужой для них культур.

Факторы, влияющие на процесс адаптации к новой культурной среде

Степень выраженности культурного шока и продолжительность межкультурной адаптации определяются очень многими факторами, которые можно разделить на индивидуальные и групповые. К факторам первого типа относятся:

1. Индивидуальные различия – демографические и личностные.

Достаточно сильно влияет на процесс адаптации возраст. Быстро и успешно адаптируются маленькие дети, но уже для школьников этот процесс часто оказывается мучительным, так как в классе они должны во всем походить на своих соучеников – и внешним видом, и манерами, и языком, и даже мыслями. Очень тяжелым испытанием оказывается изменение культурного окружения для пожилых людей. Так, по мнению психотерапевтов и врачей, многие пожилые эмигранты совершенно не способны адаптироваться в инокультурной среде, и им «нет необходимости обязательно осваивать чужую культуру и язык, если к этому у них нет внутренней потребности».

Результаты некоторых исследований свидетельствуют, что женщины имеют больше проблем в процессе адаптации, чем мужчины. Правда, объектом таких исследований чаще всего оказывались женщины из традиционных культур, на адаптацию которых влияли более низкие, чем у соотечественников-мужчин уровень образования и профессиональный опыт. Напротив, у американцев половых различий, как правило, не обнаруживается. Есть даже данные, что женщины-американки быстрее, чем мужчины приспосабливаются к образу жизни в другой культуре. По всей вероятности, это связано с тем, что они более ориентированы на межличностные отношения с местным населением и проявляют больший интерес к особенностям его культуры.

Образование также влияет на успешность адаптации: чем оно выше, тем меньше проявляются симптомы культурного шока. В целом, можно считать доказанным, что успешнее адаптируются молодые, высокоинтеллектуальные и высокообразованные люди.

Давно высказываются предположения, что для работы или учебы за границей необходимо подбирать людей с личностными характеристиками, способствующими межкультурной адаптации. Г.Триандис полагает, что в

настоящее время можно считать доказанным влияние на успешность адаптации:

- когнитивной сложности – когнитивно сложные индивиды обычно устанавливают более короткую социальную дистанцию между собой и представителями других культур, даже сильно отличающихся от их собственной;
- тенденции использовать при категоризации более крупные категории – индивиды, обладающие этим свойством, лучше адаптируются к новому окружению, чем те, кто дробно категоризирует окружающий мир. Это можно объяснить тем, что индивиды, укрупняющие категории, объединяют опыт, полученный ими в новой культуре с опытом, приобретенным на родине;
- низких оценок по тесту авторитаризма, так как установлено, что авторитарные, ригидные, не толерантные к неопределенности индивиды менее эффективно овладевают новыми социальными нормами, ценностями и языком.

Попытки выделения «человека для заграницы», который в наименьшей степени сталкивается с трудностями при вхождении в инокультурную среду, предпринимались и многими другими авторами. Если попытаться обобщить полученные данные, то можно сделать вывод, что для жизни в чужой культуре лучше всего подходит профессионально компетентный, имеющий высокую самооценку, общительный индивид экстравертного типа; человек, в системе ценностей которого большое место занимают ценности общечеловеческие, открытый для самых разных взглядов, интересующийся окружающими, а при урегулировании конфликтов выбирающий стратегию сотрудничества. Однако, видимо, невозможно выделить универсальный набор личностных характеристик, способствующих успешной адаптации в любой стране и культуре. Так, личностные особенности человека должны находиться в согласии с новыми культурными нормами. Например,

экстраверсия не обязательно облегчает адаптацию. Экстраверты из Сингапура и Малайзии действительно успешнее адаптировались в Новой Зеландии, чем интроверты из этих стран. Но в Сингапуре более глубокий культурный шок испытывали именно экстраверты-англичане, так как чужая культура, в которой приветствуется направленность личности на собственный субъективный мир, а не на мир внешних объектов, воспринималась ими как крайне чуждая.

2. Обстоятельства жизненного опыта индивида.

Немаловажное значение имеет готовность мигрантов к переменам. Визитеры в большинстве случаев восприимчивы к изменениям, так как обладают мотивацией к адаптации. Так, мотивы пребывания за границей иностранных студентов достаточно четко ориентированы на цель – получение диплома, который может обеспечить им карьеру и престиж на родине. Ради достижения этой цели студенты готовы преодолеть разнообразные трудности и приспособиться к среде обитания. Еще большая готовность к переменам характерна для добровольных переселенцев, которые стремятся к тому, чтобы оказаться включенными в чужую группу. В то же время из-за недостаточной мотивации процесс адаптации беженцев и вынужденных эмигрантов, как правило, оказывается менее успешным.

На «приживаемость» мигрантов благоприятно сказывается наличие доконтактного опыта – знакомство с историей, культурой, условиями жизни в определенной стране. Первым шагом к успешной адаптации является знание языка, которое не только уменьшает чувство беспомощности и зависимости, но и помогает заслужить уважение «хозяев». Благоприятное влияние на адаптацию оказывает и предшествующее пребывание в любой другой инокультурной среде, знакомство с «экзотикой» – этикетом, пищей, запахами...

Одним из важнейших факторов, благоприятно влияющих на процесс адаптации, является установление дружеских отношений с местными

жителями. Так, визитеры, имеющие друзей среди местных жителей, познавая неписанные правила поведения в новой культуре, имеют возможность получить больше информации о том, как себя вести. Но и неформальные межличностные отношения с соотечественниками могут способствовать успешной «приживаемости», так как друзья из своей группы выполняют функцию социальной поддержки. Однако в этом случае ограниченность социального взаимодействия с представителями страны пребывания может усилить чувство отчуждения.

Среди влияющих на адаптацию групповых факторов прежде всего необходимо выделить характеристики взаимодействующих культур:

1. Степень сходства или различия между культурами.

Результаты многочисленных исследований свидетельствуют, что степень выраженности культурного шока положительно коррелирует с культурной дистанцией. Иными словами, чем больше новая культура похожа на родную, тем менее травмирующим оказывается процесс адаптации. Для оценки степени сходства культур используется предложенный И.Бабицером с соавторами индекс культурной дистанции, который включает язык, религию, структуру семьи, уровень образования, материальный комфорт, климат, пищу, одежду и др.

Например, на более успешную адаптацию выходцев из бывшего СССР в Германии по сравнению с Израилем среди многих других факторов влияет и то, что в Европе «не переживается так остро климатическое несоответствие. Напротив, здесь такие же сосны, березы, поля, белки, снег...».

Но необходимо также учитывать, что восприятие степени сходства между культурами не всегда бывает адекватным. Кроме объективной культурной дистанции на него влияют и многие другие факторы:

- наличие или отсутствие конфликтов – войн, геноцида и т.п. – в истории отношений между двумя народами;

- степень знакомства с особенностями культуры страны пребывания и компетентности в чужом языке. Так, человек, с которым мы можем свободно общаться, воспринимается как более похожий на нас;
- равенство или неравенство статусов и наличие или отсутствие общих целей при межкультурных контактах.

Естественно, что процесс адаптации будет менее успешным, если культуры воспринимаются как менее сходные, чем они есть на самом деле. Но сложности при адаптации могут возникнуть и в противоположном случае: человек оказывается в полном замешательстве, если новая культура кажется ему очень похожей на свою, но его поведение выглядит странным в глазах местных жителей. Так, американцы, несмотря на общий язык, попадают во множество «ловушек» в Великобритании. А многие наши соотечественники, оказавшись в Америке в конце 80-х гг., в период наибольшего сближения между СССР и США, были поражены и раздосадованы, когда обнаружили, что стиль жизни и образ мыслей американцев весьма отличен от сложившихся не без помощи средств массовой коммуникации стереотипов о сходстве двух «великих народов».

2. Особенности культуры, к которой принадлежат переселенцы и визитеры.

Менее успешно адаптируются представители культур, где сильна власть традиций и поведение в значительной мере ритуализировано, – граждане Кореи, Японии, Стран Юго-Восточной Азии. Например, японцы, находясь за границей, чрезмерно беспокоятся из-за того, что ведут себя неправильно. Им кажется, что они не знают «кода поведения» в стране пребывания. О трудностях японцев, живущих в Европе, свидетельствуют многие данные, в том числе статистика самоубийств среди иностранцев.

Часто плохо адаптируются представители так называемых «великих держав» из-за присущего им высокомерия и убеждения, что учиться должны не они, а другие. Например, многие американцы и русские полагают, что им

не нужно знать никакого другого языка, кроме собственного. А жители небольших государств вынуждены изучать иностранные языки, что облегчает их взаимодействие с иностранцами. При проведении опроса в странах Европейского Союза выяснилось, что чем меньше государство, тем больше языков знают его жители, а значит, имеют больше возможностей для успешной межкультурной адаптации. Так, 42% граждан Люксембурга и только 1% французов, англичан и немцев указали, что могли бы объясниться на четырех языках.

3. Особенности страны пребывания, прежде всего способ, которым «хозяева» оказывают влияние на приезжих: стремятся ли их ассимилировать или более толерантны к культурному разнообразию. Или – как японцы – отгораживаются от них трудно пробиваемой стеной. В книге В.Я.Цветова «Пятнадцатый камень сада Рёандзи» приводится множество примеров такого отношения к «чужакам» в Японии. Среди них и крик души французского журналиста, который почти четверть века путешествует по нашей планете:

«Я повидал немало странных народов, слышал немало странных языков и наблюдал немало совершенно непонятных обычаев, но не было в мире места, где я чувствовал бы себя таким чужаком, как в Японии. Когда я приезжаю в Токио, мне кажется, что я высаживаюсь на Марсе».

Ему вторит представитель международной экономической организации, все четыре года пребывания в Японии чувствовавший себя «альбиносом, который вызывает настороженное любопытство и которого все чураются».

Для плюралистических обществ характерна большая толерантность по отношению к приезжим, чем для монистических. Легче адаптироваться в странах, где на государственном уровне провозглашена политика культурного плюрализма, который предполагает равенство, свободу выбора и партнерство представителей различных культур: канадское правительство проводит такую политику с 1971 г., а шведское – с 1975 г.

Характеристики мигрантов и взаимодействующих культур оказывают взаимосвязанное влияние на адаптацию. Например, индивиды с готовностью к переменам, оказавшиеся в мультикультурном обществе, будут чаще контактировать с местными жителями, и, следовательно, окажутся в меньшей степени подвержены культурному шоку.

ЛЕКЦИЯ 11. ПОСЛЕДСТВИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ ДЛЯ ГРУПП И ИНДИВИДОВ

Долгое время исследованиям культурного шока и межкультурной адаптации был присущ клинический акцент, однако в последнее время в мировой социальной психологии все чаще раздаются голоса о том, что более глубоко проникнуть в эти проблемы можно лишь при учете межэтнических и межкультурных отношений и более широкого социального контекста, т.е. в рамках психологии межгрупповых отношений.

С.Бочнер выделил четыре максимально общие категории последствия межкультурного контакта для группы:

- | геноцид, т.е. уничтожение противостоящей группы;
- | ассимиляция, т.е. постепенное добровольное или принудительное принятие обычаев, верований, норм доминантной группы вплоть до полного растворения в ней;
- | сегрегация, т.е. курс на раздельное развитие групп;
- | интеграция, т.е. сохранение группами своей культурной идентичности при объединении в единое сообщество на новом значимом основании.

Автор данной модели называет и четыре возможных результата межкультурных контактов для индивида. В процессе адаптации «перебежчик» отбрасывает собственную культуру в пользу чужой, «шовинист» – чужую в пользу собственной, «маргинал» колеблется между двумя культурами, «посредник» синтезирует две культуры, являясь их связующим звеном.

Сходную концептуальную схему предложил Дж.Берри. По его мнению, у индивидов и групп имеется выбор из четырех стратегий, которые он назвал стратегиями аккультурации:

- | интеграция, когда каждая из взаимодействующих групп и их представители сохраняют свою культуру, но одновременно устанавливают тесные контакты между собой;

| ассимиляция, когда группа и ее члены теряют свою культуру, но поддерживают контакты с другой культурой;

| сепаратизм, когда группа и ее члены, сохраняя свою культуру, отказываются от контактов с другой;

| маргинализация, когда группа и ее члены теряют свою культуру, но не устанавливают тесных контактов с другой культурой.

Авторы этих моделей единодушны в том, что успешная адаптация представляет собой не ассимиляцию с чужой культурой. Это даже не только – и не столько – социальное и эмоциональное приспособление к новой среде, так как человек может быть хорошо приспособленным к жизни в новом обществе, удовлетворяя все потребности внутри своей этнической или культурной группы, находя «маленькую Америку» в Париже или «маленькую Одессу» на Брайтон-Бич. Межкультурная адаптация представляет собой процесс вхождения в новую культуру, постепенное освоение ее норм, ценностей, образцов поведения. При этом подлинная адаптация предполагает достижение социальной и психологической интеграции с еще одной культурой без потери богатств собственной.

Но почему – даже при схожих отношениях между группами – на индивидуальном уровне одни люди становятся «маргиналами», а другие – «посредниками», одни остаются «шовинистами», а другие полностью ассимилируются? Социальные психологи пока не дали однозначного ответа на этот вопрос. Однако очевидно, что успех адаптации во многом зависит от того, поддержку для принятия какого из альтернативных решений переселенцы или визитеры получают от своего непосредственного окружения. Поэтому достижение наиболее желательного результата – стимуляции предпочтения человеком роли посредника между культурами – требует создания сети социальной поддержки данного типа межкультурного взаимодействия. Неудачи и проблемы при адаптации в новой культуре необходимо рассматривать не как патологические симптомы, а как

отсутствие определенных знаний и навыков. Поэтому должно быть организовано не приспособление человека к новой культуре, а приобретение знаний об обычаях, нормах, ценностях, стереотипах поведения другого народа без разрыва с собственной культурой.

Подготовка к межкультурному взаимодействию

Существует несколько способов подготовки индивидов к межкультурному взаимодействию. Используемые модели различаются в трех аспектах:

- | по методу обучения – дидактическому или эмпирическому;
- | по содержанию обучения – общекультурному или культурно-специфичному;
- | по сфере, в которой стремятся достичь основных результатов – когнитивной, эмоциональной или поведенческой.

Классификация основных типов обучающих программ при подготовке индивидов к межкультурному взаимодействию включает просвещение, ориентирование, инструктаж и тренинг.

Цель просвещения – приобретение знаний о культуре, этнической общности и т.п. Отправляясь в другую страну, как минимум, необходимо прочитать книги о ее истории, географии, обычаях и традициях жителей. Как наш соотечественник с презрением отнесется к иностранцу, живущему в России, но не знающему, кто такой Петр I, так и жители других стран будут смотреть на путешественника с недоумением, если он не знает их вождей и героев. В США подготовка уезжающих за границу долгое время строилась на основе дидактической модели культурно-специфичного просвещения, которую называют интеллектуальной, «классной комнатой» или «университетом». Обучаемых – волонтеров корпуса мира, представителей правительственных организаций и т.п. – знакомили с историей, государственным устройством, обычаями и традициями страны пребывания. При этом акцент делался на абстрактные знания.

Но очень скоро обнаружилось, что одного знакомства с чужой культурой недостаточно: полученные знания не всегда смягчали культурный шок, а информация часто не соответствовала характеру непосредственных контактов с местными жителями. Кроме того, совершенно очевидно, что каков бы ни был объем передаваемой информации, обучаемые не могут быть полностью подготовлены к жизни в чужой стране. Поэтому в настоящее время все большее распространение получает точка зрения, согласно которой переселенцев и визитеров необходимо «научить обучаться».

К просвещению примыкают еще два типа обучающих программ. Цель ориентирования – быстрое ознакомление с новым для человека окружением, основными нормами, ценностями, убеждениями инокультурной группы. При этом используются пособия, иронично называемые «культурными поваренными книгами» с рецептами типа: «Делай это и не делай того». Инструктаж обеспечивает широкий взгляд на возможные проблемы или фокусируется на отдельных аспектах приспособления к новому окружению.

Практическое, ориентированное на непосредственное взаимодействие с членами других групп обучение призвано обеспечивать тренинг. Любая программа тренинга пытается ответить на вопрос «как» – как индивид может наладить межличностные контакты в новом для себя окружении, как он может овладеть ценностями, нормами, ролевыми структурами чужой культуры. Не случайно, при опросах вернувшихся на родину визитеров выясняется, что самым важным для успешной адаптации они считают умение справляться с психологическим стрессом и устанавливать межличностные отношения, эффективно общаться с местными жителями.

По мнению Г.Триандиса, межкультурный тренинг ставит перед собой две основные задачи:

1) познакомить обучаемых с межкультурными различиями в межличностных отношениях, что требует проигрывания ситуаций, в которых что-то протекает по-разному в двух культурах;

| сделать возможным перенос полученных знаний на новые ситуации, что достижимо, если обучаемый знакомится с самыми характерными особенностями чужой для него культуры.

Часто применяются программы общекультурного тренинга с акцентом на осознании самого себя представителем группы или культуры. При этом типе воздействия идут от обучения индивидов осознавать ценности собственной культуры к анализу различий между культурами и, в конечном счете, выработке умения «проникать» в культурные различия для повышения эффективности взаимодействия. Примером подобной обучающей программы может служить «американская модель контраста». В этом случае тренинг состоит в том, что обучаемый и подставное лицо («актер») проигрывают предложенные конфликтные ситуации. При этом поведение «актера» всегда противоположно действиям «типичного американца» в подобных ситуациях. А обучаемый, даже не осознавая того, демонстрирует стереотипы поведения и восприятия, приобретенные им в процессе социализации в американской культуре, например больше внимания обращает на материальные ценности, чем на духовные, и на личные достижения, чем на статус человека как члена семьи. Взаимодействие снимается на видеокамеру, и во время просмотра записи тренер объясняет обучаемому, как на его поведение повлияла американская культура.

Среди многочисленных программ культурно-специфичного тренинга особенно широкое распространение получили:

| тренинг, включающий реальные межкультурные контакты, например семинары-мастерские с групповыми дискуссиями, где обсуждаются ситуации, возникающие при личных контактах представителей двух народов, к которым принадлежат участники. Такой тренинг К.Роджерс проводил с членами вовлеченных в конфликты групп в Северной Ирландии и ЮАР. Но подобного рода обучение далеко не всегда достигает своей цели, так как

сильный этноцентризм участников мешает им избавиться от предубеждений в ходе занятий;

! атрибутивный тренинг, в котором акцент делается на обучении тому, каким образом представители разных народов и культур интерпретируют причины поведения и результаты деятельности. Это очень важная задача, так как одна из основных проблем при общении представителей разных культур состоит в том, что люди не понимают причин поведения друг друга и делают ложные атрибуции.

Яркий пример того, что людям свойственно интерпретировать поведение «чужаков» с точки зрения своей культуры, приводит Ю.М.Лотман, пересказывая впечатления японского путешественника, побывавшего в XVIII веке в России. Японский автор повествует, как императрица отправляется весною в Царское Село, «чтобы полюбоваться снегом». В таком объяснении поездки императрицы в загородный дворец отразилась, по словам Лотмана, специфика свойственного японцам эстетического восприятия природы. И – полное непонимание подлинных причин ее действий. В Японии снеговой покров недолог, снег ассоциируется с чувством быстротечности земной красоты, и грешно было бы не полюбоваться им перед его исчезновением. А жителями Петербурга, включая самодержицу российскую, снег всегда воспринимался если и как красота, то красота естественная, привычная, и даже надоедающая к концу зимы.

Атрибутивный тренинг помогает сделать ожидания индивида о возможном поведении члена другой культуры более точными и способствует освоению изоморфных атрибуций, т.е. атрибуций, характерных для культуры, с представителями которой индивиду предстоит взаимодействовать.

Для подготовки к межкультурному взаимодействию широкое распространение во многих странах мира получили так называемые культурные ассимиляторы, хотя это и не самое удачное наименование, так

как обучаемых не побуждают отказываться от собственной культуры и стать похожими на членов другой группы – ассимилироваться. Цель при использовании данного метода – научить человека видеть ситуации с точки зрения членов чужой группы, понимать их видение мира. Поэтому культурный ассимилятор называют также техникой повышения межкультурной сензитивности.

Первые культурные ассимиляторы были разработаны психологами университета штата Иллинойс в начале 60-х гг. под руководством Г.Триандиса. Они предназначались для американских граждан, взаимодействующих с арабами, иранцами, греками, тайцами. Создатели модели ставили своей целью за короткое время дать обучаемым как можно больше информации о различиях между двумя культурами и остановились на программированном пособии с обратной связью, позволяющем сделать его читателя активным участником процесса обучения. Позднее стали использовать и компьютерные варианты пособий.

Культурные ассимиляторы состоят из описаний ситуаций (от 35 до 200), в которых взаимодействуют персонажи из двух культур, и четырех интерпретаций их поведения – каузальных атрибуций о наблюдаемом поведении. Информация подбирается так, чтобы представить ситуации, в которых проявляются либо значительные, либо наиболее значимые ключевые различия между культурами. Идеальной можно считать ситуацию, во-первых, описывающую часто встречающийся случай взаимодействия членов двух культур, во-вторых, такую, которую представитель группы «гостей» находит конфликтной или которую он чаще всего неправильно интерпретирует, в-третьих, позволяющую получить важные сведения о чужой культуре.

При подборе ситуаций учитываются взаимные стереотипы, различия в ролевых ожиданиях, обычаи, особенности невербального поведения и многое другое. Особое внимание уделяется ориентированности культуры на

коллективизм или индивидуализм. Например, представитель европейской индивидуалистической культуры в процессе работы с ситуациями ассимилятора должен осознать, что:

! поведение членов восточных коллективистических культур в большей степени отражает групповые нормы, чем индивидуальные установки;

! отношения между родителями и детьми на Востоке почти священны;

! во многих странах Востока принято проявлять скромность при публичной оценке собственных достижений;

! там принято дарить подарки в тех случаях, когда в Европе платят деньги.

Примеры потенциально конфликтных ситуаций могут быть взяты из этнографической и исторической литературы, прессы, наблюдений самих разработчиков. Проводятся также интервью с использованием методики «критического инцидента»: респондентов просят вспомнить события, в которых произошло что-то, что резко – позитивно или негативно – изменило их мнение о представителях другой культуры.

Наиболее сложные задачи встают перед создателями культурного ассимилятора на этапе комплектации набора альтернативных объяснений – атрибуций. Если ассимилятор предназначен для подготовки представителей культуры А к взаимодействию с представителями культуры Б, то необходимо подобрать – с помощью экспертов из двух культур – три интерпретации поведения персонажей, наиболее вероятные с точки зрения членов культуры А, и одну интерпретацию, которую чаще всего используют при объяснении ситуации представители культуры Б. Лишь ответы, характерные для членов культуры Б, считаются правильными. Если обучаемый выбирает неправильный ответ, его просят вернуться к ситуации еще раз и выбрать другое объяснение поведения персонажей. А при выборе правильного ответа подробно описываются особенности культуры, в соответствии с которыми они действовали.

Сам по себе культурный ассимилятор является методом когнитивного ориентирования, но его часто применяют в тренинговых программах – в группе обсуждаются и сравниваются результаты участников, проводятся ролевые игры с использованием ситуаций культурного ассимилятора. В этом случае он является основой программы атрибутивного тренинга, так как задача обучаемых – выбрать ту интерпретацию каждой ситуации взаимодействия представителей двух культур, которая соответствует точке зрения чужой для него группы, т.е. подобрать изоморфную атрибуцию.

Чтобы лучше понять, что представляет собой данная техника, проанализируйте ситуацию из культурного ассимилятора, предназначенного для обучения российского персонала совместных российско-германских предприятий. Этот ассимилятор был сконструирован в 1998 году студенткой факультета психологии МГУ Ю.С.Луканцев в выполненной под нашим руководством дипломной работе:

Антону Василькову повезло – сразу после окончания института он устроился на работу в совместное предприятие. Очень часто после рабочего дня он вместе со своими немецкими коллегами заходил в бар выпить пива и поболтать. Отношения, как казалось Антону, из деловых все больше превращались в дружеские. На следующий день после очередных «посиделок» Антон обратился к сидящему с ним рядом в офисе Питеру Бергу: «А помнишь, ты вчера рассказывал, как вы с Мартином устроили дебош в ресторане?». На что последовал очень резкий ответ: «Антон, занимайся своей работой». Молодой человек был обескуражен – вчера они с Питером были лучшими друзьями, а сегодня такое обращение.

Как бы Вы объяснили Антону причину размолвки с немецким коллегой?

1. Питер – грубый, невоспитанный человек.
2. Питер убежден, что-то, что было рассказано в частной беседе, не стоит предавать огласке.

3. Питер полагает, что на рабочем месте не стоит говорить о посторонних вещах.

4. Питеру неприятно вспоминать случаи из своей жизни, о котором он рассказал, изрядно выпив.

Вы выбрали объяснение № 1. В предложенной ситуации нет никаких указаний на невоспитанность Питера. Напротив, Антон, довольно давно с ним общавшийся и считавший Питера своим другом, был явно шокирован его резкой отповедью. Вернитесь к ситуации и сделайте другой выбор.

Вы выбрали объяснение № 2. Это вполне вероятный вариант ответа – правила хорошего тона диктуют, что не следует делать достоянием гласности содержание частной беседы. Но в ситуации нет указаний, что кто-то мог слышать разговор коллег, сидящих за соседними столами. Попробуйте найти более точное объяснение.

Вы выбрали объяснение № 3. Это лучший вариант ответа. Немцы обычно не смешивают понятия дружбы и деловых отношений. Поэтому они считают, что в баре можно говорить на любые темы, а на рабочем месте – только на темы, непосредственно связанные с работой. Россиянин, взаимодействующий с немецкими партнерами и не придерживающийся этого принципа, может прослыть бестактным, бесцеремонным, навязчивым и невоспитанным.

Вы выбрали объяснение № 4. Исключить такую возможность нельзя, и тогда негативная реакция Питера на высказывания Антона понятна. Но это объяснение не раскрывает ситуацию полностью. Попробуйте найти более точное объяснение.

Хотя к настоящему времени в мире создано большое количество культурных ассимиляторов, они не могут получить широкого распространения, поскольку предназначены узкому кругу лиц – студентам-арабам в США, учителям, работающим с испаноязычными школьниками и т.п. Но во многих случаях готовить к межкультурному взаимодействию

приходится не столь однородные группы: специалистов, взаимодействующих с многонациональной клиентурой, студентов, приехавших из разных стран и т.п. Группа исследователей во главе с Р.Брислином задалась вопросом, возможно ли создание универсального культурного ассимилятора, который бы помог людям адаптироваться в любой чужой культуре. На основе опыта создания узко ориентированных культурных ассимиляторов и работы с различными тренинговыми группами они пришли к выводу, что такая задача разрешима, так как люди, попадающие в инокультурное окружение, проходят через сходные этапы адаптации и налаживания межличностных контактов с местными жителями.

Поэтому можно выделить круг прототипных ситуаций взаимодействия представителей двух разных культур, а также задач, выполняемых визитерами в стране пребывания. Хотя созданное ими пособие универсальным является прежде всего для американцев, в настоящее время оно применяется и в других англоязычных странах.

Многолетнее использование культурных ассимиляторов – культурно-специфичных и универсального – подтвердило, что они являются эффективным средством формирования изоморфных атрибуций, передачи информации о различиях между культурами, облегчения межличностных контактов в инокультурном окружении и, в конечном счете, решения стоящих перед человеком задач. К настоящему времени межкультурные миграции затронули еще большее количество людей: по некоторым оценкам всего в мире вне пределов страны своего происхождения проживает около 100 млн разных категорий мигрантов.

В этом списке нет ничего нового, те же самые симптомы, говоря о ностальгии, выделяли психиатры начиная с XVII века – «устойчивая печаль, мысли только о родине, нарушенный сон или длительное бодрствование, упадок сил, понижение аппетита и жажды, чувство страха, оцепенение...».

Правда, у визитеров это может быть связано с предвкушением возвращения на родину. Например, около половины граждан США, не прошедших специальной подготовки, не могут справиться с трудностями и бросают работу за рубежом. Для многих эта неудача оказывается настоящей трагедией, так как снижает самооценку и шансы на продвижение по службе в будущем.

После распада СССР и снижения статуса русских в странах ближнего зарубежья они начинают воспринимать культурную дистанцию с украинцами не как «близкую», а как «среднюю», а с эстонцами – не как «среднюю», а как «дальнюю».

2. ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

2.1 Тематика семинарских занятий

Семинар 1. Теория коммуникации в системе наук

Рекомендуемая литература:

1. Кашкин, В.Б. Основы теории коммуникации / В.Б. Кашкин . – М.: Наука, 2017. – 96 с.
2. Николаева, Ю.В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен / Ю.В. Николаева, Н.М. Боголюбова. – СПб: СпбКо, 2009. – 416с.
3. Новиков, Г. Теории международных отношений / Г. Новиков. – Иркутск: Изд. Иркут. Ун-та, 1996. – 298 с.

Семинар 2. Основные направления и подходы теории коммуникации

Рекомендуемая литература:

1. Шарков, Ф.И. Основы теории коммуникации/ Ф.И. Шарков. – М.: Наука, 2014. – 124 с.
2. Цыганков, П.А. Теория международных отношений / П.А. Цыганков ; учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с.

Семинар 3. Основные направления и подходы теории коммуникации

Рекомендуемая литература:

1. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.

2. Ерасов, Б.С. Социальная культурология / Б.С. Ерасов. – М.: Аспект-Пресс, 1997 – 591 с.

Семинар 4. Современные модели коммуникации

Рекомендуемая литература:

1. Кашкин, В.Б. Основы теории коммуникации / В.Б. Кашкин . – М.: Наука, 2017. – 96 с.
2. Николаева, Ю.В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен / Ю.В. Николаева, Н.М. Боголюбова. – СПб: СпбКо, 2009. – 416с.
3. Цыганков, П.А. Теория международных отношений / П.А. Цыганков ; учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с.

Семинар 5. Процесс коммуникации. Составляющие коммуникативного процесса

Рекомендуемая литература:

1. Основы теории коммуникации / Под ред. проф. М.А. Василика. – М.: МГУ, 2003. – 214 с.
2. Шарков, Ф.И. Основы теории коммуникации/ Ф.И. Шарков. – М.: Наука, 2014. – 124 с.

Семинар 6. Универсальные и культурно-специфические аспекты общения

Рекомендуемая литература:

1. Кашкин, В.Б. Основы теории коммуникации / В.Б. Кашкин . – М.: Наука, 2017. – 96 с.

2. Николаева, Ю.В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен / Ю.В. Николаева, Н.М. Боголюбова. – СПб: СпбКо, 2009. – 416с.
3. Цыганков, П.А. Теория международных отношений / П.А. Цыганков ; учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с.

Семинар 7. Универсальные и культурно-специфические аспекты общения

Рекомендуемая литература:

1. Кашкин, В.Б. Основы теории коммуникации / В.Б. Кашкин . – М.: Наука, 2017. – 96 с.
2. Николаева, Ю.В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен / Ю.В. Николаева, Н.М. Боголюбова. – СПб: СпбКо, 2009. – 416с.
3. Новиков, Г. Теории международных отношений / Г. Новиков. – Иркутск: Изд. Иркут. Ун-та, 1996. – 298 с.

Семинар 8. Экспрессивное поведение и культура

Рекомендуемая литература:

1. Зинченко, В.Г. Межкультурная коммуникация. Системный подход: учебное пособие / В.Г. Зинченко.- Нижний Новгород: издательство НГЛУ им.Н.А. Добролюбова, 2003. - 192с.
2. Куницына, В.Н. Межличностное общение : Учебник для ВУЗов / В.Н. Куницына. – СПб.: ПИТЕР, 2002. – 544 с.

***Семинар 9. Картина мира как условие межкультурной
коммуникации***

Рекомендуемая литература:

1. Николаева, Ю.В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен / Ю.В. Николаева, Н.М. Боголюбова. – СПб: СпбКо, 2009. – 416с.
2. Новиков, Г. Теории международных отношений / Г. Новиков. – Иркутск: Изд. Иркут. Ун-та, 1996. – 298 с.

***Семинар 10. Специфика этнических стереотипов в
коммуникативном процессе***

Рекомендуемая литература

1. Куницына, В.Н. Межличностное общение : Учебник для ВУЗов / В.Н. Куницына. – СПб.: ПИТЕР, 2002. – 544 с.
2. Лебедева, Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н.М. Лебедева. – М.: Ключ-С, 1999. – 224 с.

***Семинар 11. Специфика этнических стереотипов в
коммуникативном процессе***

Рекомендуемая литература:

1. Зинченко, В.Г. Межкультурная коммуникация. Системный подход: учебное пособие / В.Г. Зинченко.- Нижний Новгород: издательство НГЛУ им.Н.А. Добролюбова, 2003. - 192с.
2. Лебедева, Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н.М. Лебедева. – М.: Ключ-С, 1999. – 224 с.

***Семинар 12. Аккультурация и ее стратегии в процессе
межкультурного взаимодействия***

Рекомендуемая литература:

1. Кашкин, В.Б. Основы теории коммуникации / В.Б. Кашкин . – М.: Наука, 2017. – 96 с.
2. Николаева, Ю.В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен / Ю.В. Николаева, Н.М. Боголюбова. – СПб: СпбКо, 2009. – 416с.
3. Новиков, Г. Теории международных отношений / Г. Новиков. – Иркутск: Изд. Иркут. Ун-та, 1996. – 298 с.
4. Тарасов, Е.Ф. Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения / Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 2007. – С. 14 – 38.

***Семинар 13. Аккультурация и ее стратегии в процессе
межкультурного взаимодействия***

Рекомендуемая литература:

1. Зинченко, В.Г. Межкультурная коммуникация. Системный подход: учебное пособие / В.Г. Зинченко.- Нижний Новгород: издательство НГЛУ им.Н.А. Добролюбова, 2003. - 192с.
2. Лебедева, Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н.М. Лебедева. – М.: Ключ-С, 1999. – 224 с.
3. Сухарев, В.А. Психология народов и наций / В.А. Сухарев, М.В. Сухарев. – Донецк : Сталкер, 1997. – 400 с.

Семинар 14. Последствия межкультурных контактов для групп и индивидов

Рекомендуемая литература:

1. Новиков, Г. Теории международных отношений / Г. Новиков. – Иркутск: Изд. Иркут. Ун-та, 1996. – 298 с.
2. Основы теории коммуникации / Под ред. проф. М.А. Василика. – М.: МГУ, 2003. – 214 с.
3. Шарков, Ф.И. Основы теории коммуникации/ Ф.И. Шарков. – М.: Наука, 2014. – 124 с.

Семинар 15. Последствия межкультурных контактов для групп и индивидов

Рекомендуемая литература:

1. Лебедева, Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н.М. Лебедева. – М.: Ключ-С, 1999. – 224 с.
2. Цыганков, П.А. Теория международных отношений / П.А. Цыганков ; учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с.

3. РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ

3.1 Перечень вопросов по темам семинарских занятий

Тема 1. Теория коммуникации в системе наук

1. Предпосылки формирования теории коммуникации.
2. Объект, предмет исследования в теории коммуникации.
3. Характеристика основных законов коммуникации
4. Особенности понятий «коммуникация» и «общение».

Тема 2. Основные направления и подходы теории коммуникации

1. Краткая характеристика основных направлений коммуникаций и их представители.
2. Бихевиоризм как ведущее направление коммуникации.
3. Символический интеракционизм в коммуникации.
4. Этнометодология и основные представители.
5. Теория межкультурного содержания коммуникации.

Тема 3. Основные направления и подходы теории коммуникации

1. Рационалистический подход в изучении коммуникации.
2. Иррационалистический подход в изучении коммуникации.
3. Культурологическая теория массовой коммуникации.
4. Теория консенсуального взаимодействия.
5. Становление теории коммуникации в России.

Тема 4. Современные модели коммуникации

1. Сущность и понятие модели коммуникативных процессов.
2. Линейные модели коммуникации (их представители).
3. Нелинейные модели коммуникации (их представители).

Тема 5. Процесс коммуникации. Составляющие коммуникативного процесса

1. Сущность и специфика процесса коммуникации.
2. Основные элементы коммуникативного процесса.
3. Способы кодирования информации.
4. Специфика информационного содержания.

Тема 6. Универсальные и культурно-специфические аспекты общения

1. Понятие межкультурной коммуникации.
2. Основные типы межкультурной коммуникации.
3. Переменные межкультурной коммуникации.
4. Формы и виды межкультурной коммуникации

Тема 7. Универсальные и культурно-специфические аспекты общения

1. Высококонтекстные и низкоконтекстные культуры в теории Э. Холла: основные признаки.
2. Основные положения теории Г. Хофстеде.
3. Специфика построения межкультурной коммуникации.

Тема 8. Экспрессивное поведение и культура

1. Культурная вариативность регуляторов социального поведения. Концепции П.Экмана и У. Фризена.
2. Виды экспрессивного поведения (Г.Триандис).
3. Адаптеры и иллюстраторы и их взаимосвязь с культурными традициями.

Тема 9. Картина мира как условие межкультурной коммуникации

1. Сущность и понятие «картина мира».
2. Влияние картины мира на процесс коммуникации.
3. Типология этнокультурных групп в контексте картины мира и особенности их коммуникации.

Тема 10. Специфика этнических стереотипов в коммуникативном процессе

1. Понятие образа, имиджа и стереотипа. Виды стереотипов (примеры на каждый вид стереотипов).
2. Этнические стереотипы и внешнеполитический образ государства.
3. Способы формирования внешнеполитического образа государства.

Тема 11. Специфика этнических стереотипов в коммуникативном процессе

1. Роль внешнеполитических образов и стереотипов в современной системе международных отношениях.
2. Основные школы изучения процессов формирования внешнеполитических образов.

Тема 12. Аккультурация и ее стратегии в процессе межкультурного взаимодействия

1. Понятие аккультурации.
2. Основные стратегии аккультурации:
 - ассимиляция (*привести примеры*);
 - маргинализация (*привести примеры*);
 - сепарация (*привести примеры*);
 - сегрегация (*привести примеры*);
 - интеграция (*привести примеры*).

3. Результаты аккультурации.

Тема 13. Аккультурация и ее стратегии в процессе межкультурного взаимодействия

1. Культурный шок и его симптомы.
2. Механизм развития культурного шока.
3. Факторы, влияющие на культурный шок.

Тема 14. Последствия межкультурных контактов для групп и индивидов

1. Последствия межкультурных контактов для групп (С.Бокнер, Дж.Бери).
2. Статус этнокультурных групп в стране пребывания с учетом культурных традиций

Тема 15. Последствия межкультурных контактов для групп и индивидов

1. Сущностные характеристики процесса подготовки к межкультурному взаимодействию.
2. Модели межкультурных контактов.
3. Культурные ассимиляторы как основополагающий тренинг межкультурной коммуникации.

3.2 Перечень вопросов к экзамену

1. Предпосылки формирования теории коммуникации.
2. Объект, предмет исследования в теории коммуникации.
3. Характеристика основных законов коммуникации
4. Особенности понятий «коммуникация» и «общение».
5. Краткая характеристика основных направлений коммуникаций и их представители.
6. Бихевиоризм как ведущее направление коммуникации.
7. Символический интеракционизм в коммуникации.
8. Этнометодология и основные представители.
9. Теория межкультурного содержания коммуникации.
- 10.Рационалистический подход в изучении коммуникации.
- 11.Иррационалистический подход в изучении коммуникации.
- 12.Культурологическая теория массовой коммуникации.
- 13.Теория консенсуального взаимодействия.
- 14.Становление теории коммуникации в России.
- 15.Сущность и понятие модели коммуникативных процессов.
- 16.Линейные модели коммуникации (их представители).
- 17.Нелинейные модели коммуникации (их представители).
- 18.Сущность и специфика процесса коммуникации.
- 19.Основные элементы коммуникативного процесса.
- 20.Способы кодирования информации.
- 21.Специфика информационного содержания.
- 22.Понятие межкультурной коммуникации.
- 23.Основные типы межкультурной коммуникации.
- 24.Переменные межкультурной коммуникации.
- 25.Формы и виды межкультурной коммуникации
- 26.Высококонтекстные и низкоконтекстные культуры в теории Э. Холла: основные признаки.

27. Основные положения теории Г. Хофстеде.
28. Специфика построения межкультурной коммуникации.
29. Культурная вариативность регуляторов социального поведения. Концепции П.Экмана и У. Фризена.
30. Виды экспрессивного поведения (Г.Триандис).
31. Адаптеры и иллюстраторы и их взаимосвязь с культурными традициями.
32. Сущность и понятие «картина мира».
33. Влияние картины мира на процесс коммуникации.
34. Типология этнокультурных групп в контексте картины мира и особенности их коммуникации.
35. Понятие образа, имиджа и стереотипа. Виды стереотипов (примеры на каждый вид стереотипов).
36. Этнические стереотипы и внешнеполитический образ государства.
37. Способы формирования внешнеполитического образа государства.
38. Роль внешнеполитических образов и стереотипов в современной системе международных отношениях.
39. Основные школы изучения процессов формирования внешнеполитических образов.
40. Понятие аккультурации.
41. Основные стратегии аккультурации (ассимиляция, маргинализация, сепарация, сегрегация, интеграция).
42. Результаты аккультурации.
43. Культурный шок и его симптомы.
44. Механизм развития культурного шока.
45. Факторы, влияющие на культурный шок.
46. Последствия межкультурных контактов для групп (С.Бокнер, Дж.Бери).

47. Статус этнокультурных групп в стране пребывания с учетом культурных традиций
48. Сущностные характеристики процесса подготовки к межкультурному взаимодействию.
49. Модели межкультурных контактов.
50. Культурные ассимиляторы как основополагающий тренинг межкультурной коммуникации.

3.3 Критерии оценки результатов учебной деятельности студентов

Для выявления и исключения пробелов в знаниях студентов рекомендуется использовать следующие средства:

- 1) фронтальный опрос на лекциях и семинарских занятиях;
- 2) подготовка презентаций;
- 3) выполнение заданий с произвольной формой ответа для контроля умения анализировать и грамотно излагать и формулировать свои соображения и выводы в данной предметной области.

4. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

4.1 Учебно-методическая карта учебной дисциплины для дневной формы получения высшего образования

Названия разделов и тем	Количество аудиторных часов	
	лекции	Семинарские занятия
Тема 1. Введение	2	
Тема 2. Теория коммуникации в системе наук	2	2
Тема 3. Основные направления и подходы теории коммуникации	4	4
Тема 4. Современные модели коммуникации	2	2
Тема 5. Процесс коммуникации. Составляющие коммуникативного процесса	2	2
Тема 6. Универсальные и культурно-специфические аспекты общения	4	4
Тема 7. Экспрессивное поведение и культура	4	2
Тема 8. Картина мира как условие межкультурной коммуникации	2	2
Тема 9. Специфика этнических стереотипов в коммуникативном процессе	4	4
Тема 10. Аккультурация и ее стратегии в	4	4

процессе межкультурного взаимодействия		
Тема 11. Последствия межкультурных контактов для групп и индивидов	4	4
Вместе...	34	30

4.2 Список основной литературы

3. Богуславский, М.М. Культурные ценности в международном обороте : правовые аспекты / М.М. Богуславский ; монография, 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, Ифра-М, 2012. – 416с.
4. Грушевицкая, Т.Г. Основы межкультурной коммуникации / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин ; учеб. для вузов ; под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.
5. Емельянчик, Л.В. Все мы жители Земли : учеб.-метод. Пособие по поликультурному образованию / Л.В. Емельянчик, М.А. Некрашевич, А.В. Селиванов, С.В. Сычѳв, В.Г. Шадурский. – Минск : Тесей, 2010. – 28 с.
6. Николаева, Ю.В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен / Ю.В. Николаева, Н.М. Боголюбова. – СПб: СпбКо, 2009. – 416с.
7. Новиков, Г. Теории международных отношений / Г. Новиков. – Иркутск: Изд. Иркут. Ун-та, 1996. – 298 с.
8. Свилас, С.Ф. Историография истории международных отношений XIX–XX вв.: учеб. пособие / С.Ф. Свилас. – Минск : БГУ, 2006. – 156 с.
9. Снапковский, В.Е. Международные организации в системе международных отношений / В.Е. Снапковский // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – №3. – С. 71 – 77.
10. Цыганков, П.А. Теория международных отношений / П.А. Цыганков ; учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с.
11. Шадурский, В.Г. Внешняя культурная политика Республики Беларусь : состояние и проблемы / В.Г. Шадурский // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 4. – С. 52–60.

12. Шадурский, В.Г. Культурные связи Беларуси со странами Центральной и Западной Европы (1945 – 1990-е гг.) / В.Г. Шадурский. – Минск: БГУ, 2000. – 285 с.

4.3 Список дополнительной литературы

1. Блищенко, В.И. Кризисы и конфликты на постсоветском пространстве / В.И. Блищенко. – М. : Аспект Пресс, 2014 – 304 с.
2. Гайденко, П.П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ / П.П. Гайденко. – М.: ИФРАН, 2001. – 645 с.
3. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.
4. Гісторыя культуры Беларусі / С.А. Парашкоў ; Магілеўс. дзярж. ун-т. імя А.А. Куляшова. – Мн.: Бел.я навука, 2003. – 444 с.
5. Ерасов, Б.С. Социальная культурология / Б.С. Ерасов. – М.: Аспект-Пресс, 1997 – 591 с.
6. Красных, В.В. “Свой” среди “чужих” : миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : гнозис, 2001. – 207 с.
7. Лебедева, Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н.М. Лебедева. – М.: Ключ-С, 1999. – 224 с.
8. Леонтович, О.А. Русские и американцы : парадоксы межкультурного общения / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
9. Пивоев, В.М. Культурология. Введение в историю и философию культуры: Учебное пособие / В.М. Пивоев. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Гаудеамус; Академический Проспект, 2008. – 564 с.
10. Россия – Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве : материалы 5-го Международного петровского конгресса : Санкт-Петербург 7-9 июня 2013 г. / Институт Петра Великого ; сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина. – СПб. : Европейский Дом, 2014 – 549 с.
11. Садохин, А.П. Мировая художественная культура: учебник для студентов вузов / А.П. Садохин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2008. – 495 с.

12. Современный Китай в системе международных отношений / отв. Ред. Д.В. Буюров ; Изд. 3-е. – М. : Ленанд, 2014. – 279 с.
13. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1992. – 543 с.
14. Стернин, И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И.А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания ; сб. ст. / Ин-т языкознания РАН. – М., 1996. – С. 97–112.
15. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – М.: Академический проект, 1999. – 320 с.
16. Сухарев, В.А. Психология народов и наций / В.А. Сухарев, М.В. Сухарев. – Донецк : Сталкер, 1997. – 400 с.
17. Тарасов, Е.Ф. Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения / Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 14 – 38.
13. Боголюбова, Н.М. Международное гуманитарное взаимодействие и Содружество Независимых государств : в документах и материалах : хрестоматия / Н.М. Боголюбова, Ю.В. Николаева, К.А. Пшенко. – СПб. : Бельведер, 2005. – 253 с.
14. Гриненко, Г.В. Хрестоматия по истории мировой культуры / Г.В. Гриненко ; учеб. пособие – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшее образование, 2005. – 940 с.
15. Международный культурный обмен в документах и материалах: хрестоматия. СПб., 2004.
16. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСГ, 2014 – 573 с.
17. Barkin, J.S. International Organization : Theories and Institutions / J.S. Barkin. – New York, 2006. – 198 p.
18. Griffiths, M. International Relations Theory for the Twenty-First Century. An introduction / Martin Griffiths. – Routledge, 2007. – 184 p.

19. Haas, E. B. International integration : European and the universal process / Ernst Bernard Haas // International Organization. – 1961, vol. 15 (issue 03). – P. 366-392.

20. Lebow, R. N. A cultural theory of international relations / Richard Ned Lebow. – Cambridge University Press, 2008. – 762 p.